

INSPIRIA

«Эта книга не отпускала меня
с первой страницы и до последней».
Риз Уизерспун

АЛКА ДЖОШИ

ХУДОЖНИЦА ИЗ ДЖАЙПУРА

INSPIRIA

Novel. Мировые хиты

Алка Джоши

Художница из Джайпура

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Джоши А.

Художница из Джайпура / А. Джоши — «Эксмо»,
2020 — (Novel. Мировые хиты)

ISBN 978-5-04-158138-1

В 1950-е годы в Индии женщине нелегко быть самостоятельной, но Лакшми от природы умна и талантлива. В семнадцать лет она сбегает от жестокого мужа и оказывается в Джайпуре — роскошном, завораживающем, но суровом и безжалостном городе. Лакшми становится мастерицей мехенди и благодаря удачным связям и знакомствам вскоре оказывается допущенной к самым влиятельным людям. Для дам из высшего общества она не только художница, но и целительница, помощница, доверенное лицо. Лакшми хорошо известна своим мастерством и умениями, знает, как правильно себя подать, и уверенно держится с любым, ведь она упорно идет к своей цели — независимости. Но за мгновение та жизнь, которую она так кропотливо выстраивала, может внезапно оказаться под угрозой.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-158138-1

© Джоши А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
Часть первая	9
Один	9
Два	24
Три	31
Четыре	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алка Джоши

Художница из Джайпура

Моей матери, Судхе Латике Джоши, защищавшей мою самостоятельность

Моему отцу, Рамешу Чандре Джоши, который пел мне самую дивную колыбельную

Путник должен стучать в каждую чужую дверь, дабы найти свою, должен странствовать по всем мирам, чтобы в конце концов достигнуть сокровеннейшего алтаря.

Рабиндранат Тагор «Гитанджали» («Жертвенные песнопения»)¹

Когда богиня благополучия приходит тебя благословить, не следует выходить из комнаты, чтобы умыть лицо.

Индийская пословица

Персонажи, которые встречаются на страницах книги

Лакшми Шастри: 30-летняя мастерица мехенди, живет в Джайпуре.

Радха: 13-летняя сестра Лакшми, родилась уже после того, как Лакшми сбежала из деревни.

Малик: слуга Лакшми, мальчик лет 7–8 (сам не знает точно), живет в людном Внутреннем городе с родственницами-мусульманками – тетушкой и кузинами.

Парвати Сингх: 35-летняя матрона из высшего света, жена Самира Сингха, мать Рави и Говинда Сингхов, дальняя родственница королевской семьи Джайпура.

Самир Сингх: знаменитый архитектор из семейства, принадлежащего к высокой касте раджпутов, муж Парвати Сингх, отец Рави и Говинда Сингхов.

Рави Сингх: 17-летний сын Парвати и Самира Сингхов, учится в частной школе-пансионе для мальчиков Мейо-Колледж (в нескольких часах езды от Джайпура).

Лала: старая дева, много лет служит Сингхам.

Шила Шарма: 15-летняя дочь мистера и миссис В. М. Шарма, состоятельной четы брахманов незначительного рода.

Мистер В. М. Шарма: официальный застройщик королевской семьи Джайпура, муж миссис Шармы, отец четверых детей (младшая дочь – Шила Шарма).

Джей Кумар: холостяк, приятель Самира Сингха по Оксфорду, работает врачом в Шимле (у подножия Гималаев, в 11 часах езды от Джайпура).

Миссис Айенгар: квартирная хозяйка Лакшми в Джайпуре.

Мистер Панди: сосед Лакшми, жилец миссис Айенгар, дает уроки музыки Шиле Шарме.

Хари Шастри: бывший муж Лакшми.

Саас: в переводе с хинди – «свекровь». Когда Лакшми говорит «моя саас», она имеет в виду мать Хари. «Саасуджи» – уважительное обращение к свекрови.

Миссис Джойс Харрис: молодая англичанка, жена британского офицера, который служит в Джайпуре в составе группы по передаче дел периода британского господства.

¹ Перевод Н. А. Пушешникова.

Миссис Джереми Харрис: свекровь Джойс Харрис.

Питаджи: отец (*хинди*)

Маа: мать (*хинди*)

Манчи: деревенский старик, который научил Лакшми рисовать, а Радху – смешивать краски.

Канта Агарвал: 26-летняя жена Ману Агарвала, училась в Англии, родом из образованной калькуттской семьи.

Ману Агарвал: руководитель хозяйственной службы дворца королевской семьи Джайпура, муж Канта, учился в Англии, родственник семейства Шарма.

Баджу: старик-слуга Ману и Канта Агарвалов.

Махараджа Джайпура: номинальный правитель Джайпура в период после обретения независимости, высший представитель королевской семьи в городе, владелец несметных земельных и денежных богатств, а также множества дворцов.

Нарайя: строитель нового дома Лакшми в Джайпуре.

Махарани Индира: бездетная мачеха махараджи, супруга покойного махараджи Джайпура (она же «вдовствующая королева»).

Махарани Латика: жена теперешнего махараджи, 31 год, училась в Швейцарии.

Мадхо Сингх: попугай махарани Индиры.

Гита: вдова, любовница Самира Сингха.

Миссис Патель: постоянная клиентка Лакшми, хозяйка гостиницы.

Словарь терминов на французском, английском и хинди см. в конце книги.

Пролог

Аджар, штат Уттар-Прадеш, Индия Сентябрь 1955 года

Она неслышно ступает по берегу реки, огрубевшие подошвы не чувствуют ни мелких камешков, ни запекшейся грязи. На голове она держит *мутки*, глиняный кувшин, в котором каждый день носит воду из колодца. Но сегодня в кувшине не вода, а все ее пожитки: вторая юбка, рубашка, подвенечное сари матери, «Сказки про Кришну», которые читал ей отец – страницы от времени стали мягче шелка, – и письмо, что утром пришло из Джайпура.

Заслышав вдали женские голоса, она в нерешительности замедляет шаг. Деревенские сплетницы стирают сари, рубахи, юбки, *дхоти*, болтают, рассказывают небылицы, смеются. Но как только заметят ее, тут же оставят работу, вытаращатся, а то и сплюнут – господа, спаси нас от проклятья! Она вспоминает о письме, которое лежит в *мутки*, и думает: ну и пусть, всё равно это последний раз.

Вчера эти женщины донимали деревенского старосту: почему девчонка-проклятье все еще живет в учительском доме, там должен жить новый учитель. Она сидела в глинобитных стенах и боялась пикнуть – не ровен час, зайдут и за волосы вытащат ее на улицу. Ведь теперь ее некому защитить. Труп ее матери на прошлой неделе сожгли вместе с падалью – погребальный костер бедняков. Отец, бывший школьный учитель, ушел от них полгода назад и вскоре утонул в луже на берегу реки: он был так пьян, что, наверное, даже не почувствовал жала смерти².

Всю прошлую неделю девочка караулила на окраине деревни почтальона, который время от времени приезжал к ним на велосипеде из соседней деревни. Сегодня утром, едва увидев его, она выскочила из укрытия, перепугав почтальона, и спросила, нет ли писем. Он нахмурился, закусил губу и уставился на нее слезящимися глазами сквозь толстые стекла очков. Она видела, что ему и жаль ее, и досадно: ведь всю почту обычно получает староста. Но она не отвела взгляд. В конце концов он торопливо сунул ей желтоватый пухлый конверт, адресованный ее родителям, и укатил прочь.

Сейчас она выпрямилась, расправила плечи и прошла мимо женщин у реки. Они глазели на нее. Она чувствовала, как трепещет сердце, но шагала прямая, как тростинка, с *мутки* на голове, словно направлялась к крестьянскому колодцу в двух милях от деревни – единственному, из которого ей позволялось брать воду.

Сплетницы уже не шепчутся, а перекрикиваются:

– Вот идет девчонка-проклятье! В год, когда она родилась, саранча погубила пшеницу! Ее старшая сестра сбежала от мужа, и больше ее не видели! Бесстыжая! В тот же год ее мать ослепла! А отец пристрастился к бутылке! Позор! Она даже выглядит подозрительно. Голубые глаза бывают только у ангрежи-валли. Может, она вообще не отсюда? Не из нашей деревни?

Девочка часто думала о старшей сестре, о которой болтают женщины. Той самой, чье лицо мерещится ей тенью во сне, о чьем существовании ее родители предпочли позабыть. Сплетницы утверждают, что она покинула деревню тринадцать лет назад. Почему? Куда она пошла? Как ей удалось сбежать оттуда, где следят за каждым твоим шагом? Быть может, она улизнула ночью, когда спят даже козы и коровы? Говорят, она украла чьи-то деньги, но ни у кого в деревне денег нет. Чем же она кормилась? Еще говорят, она переделалась в мужское платье, чтобы по пути не задержали. Другие уверяют, что она сбежала с цирковым мальчишкой и стала танцовщицей в увеселительном квартале Агры.

Три дня назад колченогий старик по имени Манчи, единственный ее друг, предупредил, что если она не уйдет из дома, староста выдаст ее за вдовца или выгонит из деревни.

² Ср. 1 Кор. 15:55: «Смерть! где твое жало?» – Здесь и далее примеч. перев.

– Нечего тебе здесь делать, – сказал Манчи-джи.

Но куда пойдет она, тринадцатилетняя сирота без денег и родных?

– Ничего не бойся, *бети*, – добавил Манчи-джи и посоветовал отыскать зятя, мужа старшей сестры, от которого та сбежала: он живет в соседней деревне. Возможно, он поможет ей найти сестру.

– Но почему мне нельзя остаться с тобой? – спросила она старика.

– Негоже это, – мягко ответил он.

Старик зарабатывал тем, что разрисовывал на продажу сухие листья дерева бодхи. И сейчас в утешение протянул ей такую картинку. От злости она едва не швырнула подарок ему в лицо, но увидела, что на рисунке бог Кришна кормит манго свою супругу, Радху, в честь которой ее назвали. Прекраснее подарка она в жизни не получала.

Возле гумна Радха замедляет шаги. Четыре вола бредут под ярмом вокруг большого плоского камня, мелют пшеницу. Прем, который должен смотреть за волами, дремлет, привалившись к стене хижины. Она неслышно юркает мимо него к узкой тропинке, что ведет к храму Ганеши-джи. Там в высоком святилище стоит статуя Ганеши. К ногам слоновьего бога возложены дары: неспелый кокос, бархатцы, горшочек масла ги, дольки манго. Над сандаловыми благовониями вьется ленивый дымок.

Девочка кладет Кришну, нарисованного Манчи-джи, перед Ганешей-джи, устраняющим препятствия, и молит его рассеять недобрую славу девчонки-проклятья.

До деревни, где живет зять, она добирается к вечеру: солнце клонится к горизонту. Девочка прошагала десять миль и обливается потом, ноги по щиколотку в пыли, во рту пересохло.

Она с опаской входит в деревню. Прячется за деревьями и кустами. Она знает, что девочку, которая идет одна, всюду подстерегает опасность. Она ищет мужчину, которого описал Манчи-джи.

И видит его. Вот он. Сидит на корточках под баньяном, лицом к ней. Ее зять.

У него густые, жирные, иссиня-черные волосы. От нижней губы к подбородку змеится выпуклый шрам. Мужчина уже немолод, но еще и не стар. Рубашка в пятнах карри, дхоти в пыли.

Тут она замечает, что на корточках перед ним сидит женщина, одной рукой поддерживая под локоть другую, которая висит, как неживая. Голова женщины прикрыта *паллу*. Женщина что-то шепчет мужчине. Наверное, зять снова женился, думает Радха.

Она подбирает с земли камешек, бросает в мужчину, но камешек летит мимо. Со второй попытки попадает мужчине в бедро, но он лишь отмахивается, точно от насекомого. Он внимательно слушает, что говорит женщина. Радха снова и снова швыряет в него камешки, иногда попадает в цель. Наконец он оборачивается.

Радха выходит на опушку, чтобы он ее увидел.

Он округляет глаза, точно увидел призрака, и спрашивает:

– Лакшми?

Часть первая

Один

Джайпур, штат Раджастан, Индия 15 ноября 1955 года

Независимость изменила всё. Независимость не изменила ничего. Англичане ушли восемь лет назад, теперь у нас есть бесплатные государственные школы, водопровод и мощеные дороги. А мне кажется, Джайпур тот же, что и десять лет назад, когда я впервые ступила на его пыльные улочки. Тем утром, по дороге к первой за день клиентке, мы с Маликом едва не столкнулись с мужчиной, который нес на голове мешки с цементом, но тут между нами промчался велосипедист с шестифутовой стремянкой под мышкой. Из-за него проезжающая мимо конная повозка задела свинью, и та с визгом ринулась в переулок. Чуть погодя мы уступили дорогу шумной компании *хиджр*. Разряженные в сари мужчины с накрашенными губами плясали и пели перед домом, где недавно родился мальчик. Мы так привыкли к запахам города – коровьи лепешки, дым очагов, кокосовое масло для волос, сандаловые благовония, моча, – что практически их не замечали.

Независимость изменила только одно: людей. Теперь они держались иначе, гордо выпячивали грудь, словно наконец разрешили себе дышать. Они и ходили иначе – стремительно, важно – направляясь в храмы. И с лавочниками на базаре торговались по-новому, гораздо нахальнее.

Малик свистом позывал *тонгу*. Не перестаю удивляться: мелкий, тощий, как тростинка, а свистит так, что слышно в Бомбее. Он взвалил наши тяжелые судки с едой на повозку, и *тонга-валла* с большой неохотой отвез нас за пять коротких кварталов к особняку Сингхов. Привратник смотрел, как мы вылезаем из *тонги*.

До независимости большинство джайпурских семейств ютились в тесных домишках в старом Розовом городе. Сингхи же поколениями обитали в роскошном особняке в предместье. Они принадлежали к правящему классу (раджи, князьки, офицеры) и давно привыкли к привилегиям – и до, и во время, и даже после британского владычества. Особняк Сингхов располагался на широком бульваре, усаженном деревьями бодхи. Восьмифутовые стены, утыканные осколками стекла, скрывали от глаз двухэтажное здание. Над тянувшимися вдоль обоих этажей мраморными верандами густо росли бугенвиллеи и жасмин, и в знойные летние дни, когда в Джайпуре было жарко, как в тандыре, здесь всегда царил прохлада.

Убедившись, что *чокидар* Сингхов видел, как мы прибыли, мы выгрузили из повозки наши судки. Малик остался сплетничать с привратником, я же направилась по мощеной дорожке, по бокам которой тянулись аккуратно подстриженные лужайки, напрямик на веранду, куда вела каменная лестница.

Стояло промозглое ноябрьское утро. У дверей меня приветствовала старинная служанка Парвати Сингх, Лала, которая некогда нянчила ее сыновей. В знак уважения Лала прикрыла голову сари.

Я с улыбкой сложила руки в *намасте*.

– Ну что, Лала, пользуешься магнолиевым маслом?

В прошлый визит я сунула ей бутылочку своего снадобья от мозолей.

Лала улыбнулась, но тут же прикрыла улыбку *паллу*, выставила вперед босую ногу, согнула в колене и повернулась, демонстрируя, какие гладкие теперь ступни.

– *Хан-джи*, – негромко рассмеялась она.

– *Шабаш*, – похвалила я. – Как поживает твоя племянница?

Полгода назад Лала устроила пятнадцатилетнюю племянницу служанкой к Сингхам.

Старуха нахмурилась, открыла было рот, чтобы ответить, но из дома донесся крик ее госпожи: «Лакшми, это ты?»

Лала растянула губы в улыбке, кивнула – дескать, у племянницы всё хорошо, – и ушла в кухню. А я отправилась в спальню Парвати – я бывала там много раз и прекрасно знала, куда идти.

Парвати сидела за палисандровым столиком. Взглянув на золотые часы на запястье, она продолжала писать письмо. Парвати отличалась пунктуальностью и не любила, когда опаздывают. Впрочем, мне не раз приходилось дожидаться, пока она нацарапает записку к Неру³-джи или закончит телефонный разговор с членом Индо-Советской лиги.

Я поставила судки на пол и принялась укладывать подушки на обтянутой кремовым шелком оттоманке, Парвати же тем временем запечатала письмо и кликнула Лалу.

Но пришла не старуха, а ее племянница и встала в дверях, потупясь и сцепив руки в замок.

Парвати хмуро оглядела девушку и, помолчав, сказала:

– К обеду будут гости. Приготовь нам *бунди райта*⁴.

³ Джавахарлал Неру (1889–1964) – первый премьер-министр Индии.

⁴ Закуска из йогурта и обжаренных в топленом масле шариков из нутовой муки.

Девушка побледнела – того и гляди, хлопнется в обморок.

– Йогурт кончился, мемсагиб.

– И что с того?

Служанка неловко переступила с ноги на ногу и в поисках ответа перевела взгляд с турецкого ковра на висящую на стене рамку с фотографией премьер-министра, а с нее на зеркальный шкафчик для спиртного.

– На обед приготовь нам *бунди райта*, – отрезала Парвати.

У девушки задрожали губы. Она умоляюще взглянула на меня.

Я отошла к окнам, которые смотрели на сад позади дома. Парвати была и моя госпожа, и заступиться за девушку я могла не более чем тигровая шкура на стене.

– Да скажи Лале, чтобы сегодня сама подала нам чай, – с этими словами Парвати отпустила девушку и устроилась на оттоманке. Можно было начинать мехенди. Я привычно уселась на другом конце оттоманки и взяла Парвати за руки.

До того как я приехала в Джайпур, мехенди моим господам рисовали шудры, женщины из низшей касты. Но они рисовали те же узоры, что когда-то их матери: точки, черточки, треугольники. Этого хватало, чтобы заработать на кусок хлеба. Мои же рисунки были искуснее, они рассказывали истории женщин, которых я обслуживала. Да и паста у меня была лучше и мягче той смеси, которой пользовались шудры. Перед тем как рисовать, я смазывала кожу клиенток лосьоном из лимонного сока с сахаром: тогда узор держался дольше. Чем хна темнее, тем больше женщину любит муж (по крайней мере, так считали мои клиентки), так что мои темно-коричневые рисунки неизменно приводили их в восторг. Постепенно среди моих клиенток распространилось убеждение, будто мои мехенди помогают вернуть непутевого мужа на брачное ложе и выманить младенца из утробы. Благодаря этому я могла называть цену в десять раз выше той, что просили шудры. И получать ее.

Даже Парвати верила, что рождением младшего сына обязана моему мастерству. Она была моей первой клиенткой в Джайпуре. Когда она понесла, страницы моего еженедельника заполнились приглашениями ее знакомок – дам из высшего света.

Оставив хну на руках Парвати высыхать, я принялась за ее ступни, она же наклонилась, чтобы полюбоваться узором. Наши головы почти соприкасались, я чувствовала на щеке ее теплое сладковатое дыхание, отдающее бетелем.

– Ты говоришь, что не бывала за границей, но такие листья инжира я видела только в Стамбуле, – сказала она.

От давнего страха у меня на миг перехватило дыхание. На ногах Парвати я изобразила листья турецкой смоковницы, так не похожей на свою кузину из Раджастана, чьи скудные плоды годятся в пищу разве что птицам. На ступнях я рисовала узор, предназначенный лишь для взора ее супруга – округлые половинки спелого манящего инжира.

Я поймала взгляд Парвати, мягко взяла ее за плечи и с улыбкой уложила обратно на подушки.

– Разве *это* заметит ваш муж? – Я приподняла бровь. – То, что инжир турецкий?

Я достала из сумки зеркальце и поднесла к своду правой стопы, чтобы Парвати рассмотрела крохотную осу, которую я нарисовала рядом с инжиром.

– Ваш муж наверняка знает, что каждой смоковнице нужна оса, чтобы опылить ее цветок.

Парвати удивленно вскинула брови и приоткрыла рот, накрашенный темно-сливовой помадой. Оттоманка вздрогнула от ее громкого смеха. Парвати была статная, с красивыми глазами и чувственными губами, верхняя чуть пухлее нижней. Она носила разноцветные сари – сегодня была в шелковом, цвета фуксии: на их фоне ее лицо казалось светлее.

Парвати вытерла слезы краешком сари.

– *Шабаш*, Лакшми! – сказала она. – В те дни, когда ты рисуешь мне мехенди, Самаира так и тянет в мою постель.

В голосе Парвати сквозила нега полудня на прохладных хлопковых простынях, когда к ее бедрам прижимаются теплые бедра мужа.

Усилием воли я отогнала от себя этот образ.

– Так и должно быть, – пробормотала я и продолжила колдовать над сводом ее стопы. У большинства женщин это место очень чувствительно, но Парвати привыкла к движениям моей палочки и ни разу не вздрогнула.

– Значит, листья турецкой смоковницы останутся загадкой, как твои голубые глаза и светлая кожа, – хихикнула Парвати.

Я обслуживаю ее вот уже десять лет, а она никак не успокоится. В Индии у всех глаза черные, как уголь. Голубые требуют объяснения. Я – женщина с темным прошлым? Мой отец – европеец? Или, того хуже, мать – англо-индианка? Мне тридцать лет, я родилась во времена британского владычества и привыкла к тому, что люди судачат о моем происхождении. Но я ни разу не поддавалась на подначки Парвати.

Я накрыла мехенди влажным полотенцем, налила в ладони гвоздичного масла, потерла руки, чтобы его согреть, и принялась убирать излишки высохшей пасты с кистей Парвати.

– Считайте, *джи*, что одну из моих прародительниц соблазнил Марко Поло. Или Александр Македонский. – Я массируя пальцы Парвати, хлопья хны сыпались на полотенце, и постепенно на кистях проступал узор. – Кто знает, быть может, во мне, как и в вас, течет кровь воинов.

– Ох, Лакшми, тебе всё шутки! – Парвати снова расхохоталась, и в ушах ее весело заплясали сережки – золотые колокольчики с жемчужными язычками. Обе мы принадлежали к высшим кастам: я – к брахманам, Парвати – к кшатриям, но она не видела и никогда не увидит во мне ровню, поскольку я, рисуя мехенди, прикасаюсь к чужим ступням, то есть занимаюсь грязным делом, которое приличествует только шудрам. И хотя брахманы веками учили детей кшатриев и отправляли религиозные ритуалы, в глазах элиты Джайпура я опозорила свою касту.

Но женщины вроде Парвати щедро платят. А потому, не обращая внимания на ее язвительные замечания, я убирала остатки пасты с ее кистей. За эти годы мне удалось скопить немало денег, и я была как никогда близка к осуществлению мечты о собственном доме. Его мраморные полы будут приятно холодить мои ноги после целого дня беготни по городу. Еще в нем будет водопровод, и мне больше не придется упрашивать хозяйку налить воды в *мутки*. И ключ от дверей будет только у меня. Из этого дома меня никто никогда не выгонит. В пятнадцать лет меня силой выдали замуж в другую деревню: родители посчитали, что дольше не в состоянии меня прокормить. Теперь я сама их прокормлю и позабочусь о них. Все эти годы я посылала им деньги, писала письма, они не ответили ни на одно, но ведь наверняка они переживают, когда я перевезу их в Джайпур, в мой собственный дом? И тогда родители поймут, что моя жизнь удалась. А до нашей встречи я гордость попридержу. Как говорил Ганди-*джи*, «око за око – весь мир ослепнет».

Послышался звон разбитого стекла, и мы вздрогнули. По ковру прокатился крикетный мяч и замер подле оттоманки. В следующий миг с веранды в комнату вошел Рави, старший сын Парвати, и в открытую дверь потянуло ноябрьским холодом.

– *Бета!* Немедленно закрой дверь!

Рави ухмыльнулся.

– Говинд прозевал мою подачу. – Он заметил мяч у дивана, подошел и поднял его.

– Он же намного младше тебя.

Парвати во всем потакала сыновьям, особенно младшему, Говинду, рождением которого она, по ее убеждению, была обязана моему мастерству (впрочем, я ее не разубежала).

С тех пор как я в прошлый раз видела Рави, он очень вытянулся, раздался в плечах. Квадратный подбородок – точь-в-точь как у отца – оттеняла щетина: он уже начал бриться. Румяный, с длинными, как у матери, ресницами, он, пожалуй, мог считаться красавцем.

Рави подбросил мяч, одной рукой поймал его за спиной.

– Чай есть? – поинтересовался он с отцовскими интонациями: тот же выговор ученика частной английской школы.

Парвати позвонила в серебряный колокольчик, который держала возле оттоманки.

– Вы с Говиндом попьете чаю на улице. И скажи *чокидару*, чтобы вызвал стекольщика-*валлу*.

Рави улыбнулся, подмигнул мне и вышел, так хлопнув дверью, что из нее выпал очередной осколок стекла. Он грациозно пробежал по лужайке. Три садовника, обернув головы шарфами, пропальывали, поливали, подстригали кусты гибискуса и каприфоли.

Появление Рави послужило прекрасным предлогом якобы невзначай упомянуть о том, ради чего я пришла. Однако действовать следовало осторожно.

– Приехал из пансиона?

– *Хан*. Я попросила Рави помочь мне перерезать ленточку на открытии нового *джим-хана*. Ты же знаешь *Неру-джи* – как он старается модернизировать Индию. – Она со вздохом откинула голову на подушки, словно премьер-министр каждый день осаждает ее звонками. Насколько мне известно, так и было.

Лала внесла серебряный поднос с чаем. Я принялась доставать из судков угощение, которое приготовила специально для Парвати, и услышала, как она укоряет старуху:

– Разве я не говорила отослать ее прочь?

Служанка молитвенно сложила руки, прикоснулась к губам.

– Моей племяннице некуда пойти. Кроме меня, у нее никого не осталось. Пожалуйста, *джи*. Мы в вашей власти. Быть может, вы передумаете?

Никогда я не видела Лалу в таком отчаянии. Я отвернулась, опасаясь, что служанка вот-вот упадет на колени. На столике у кровати с балдахином было устроено святилище Ганеши. Статуэтку украшал венок из гардений и еще один, из листьев *туласи*; у ног ее горела *дия*. Парвати называла себя «современной», но каждое утро молилась. Я и сама раньше молилась Лакшми, в честь которой меня назвали, богине красоты и достатка. *Маа* частенько рассказывала мне историю о крестьянине-брахмане, который пожертвовал богине косу – всё, что у него было, а Лакшми в благодарность даровала ему волшебную корзину, в которой, стоило ему захотеть, появлялась пища. Но это всего лишь сказка, как и прочие мамини истории; в семнадцать лет я отвернулась от богов, точь-в-точь как сейчас от святилища Ганеши.

– Мне будет жаль с тобой расстаться, Лала, – сказала Парвати. – Сегодня же прогони девчонку. – И она так сердито взглянула на служанку, что та потупилась, понурила плечи и поплелась прочь.

Я проводила Лалу глазами. Она даже не обернулась. Чем ее племянница так разгневала госпожу?

Парвати взяла с подноса чашку с блюдцем – знак, что мне тоже можно выпить чаю. Сервиз был в английском вкусе: леди в корсетах, джентльмены в панталонах, кудрявые девушки в длинных платьях. До независимости такие вещи символизировали любовь к Британии. Теперь же выражали презрение. У моих клиенток не изменилось ничего, кроме поводов для притворства. Если я чему и научилась у них, так тому, что только дурак, живя в воде, враждует с крокодилом.

Я отпила глоток чаю и приподняла брови.

– Ваш сын совсем мужчина, и такой красавец!

– Не то что сынок Рао, который считает себя главным *девдасом* Раджастана.

Парвати, как и все мои клиентки, говорила мне такое, чего никогда не сказала бы ровне. Детей у меня не было, и клиентки меня жалели, хоть и с оттенком превосходства. Мне было тридцать, я не юная дурочка и не болтливая матрона. Клиентки полагали, что муж от меня ушел; я не разубеждала их. На лбу у меня по-прежнему алела *бинди*⁵, сообщая всему свету, что я замужем. Без этой своеобразной верительной грамоты мне не удалось бы войти ни в доверие к клиенткам, ни в спальни наподобие той, где я была сейчас – с полом из розового салумбарского мрамора и палисандровой оттоманкой, на которой восседала моя госпожа.

Я сделала еще глоток.

– Непросто найти идеальную пару такому идеальному сыну! Не завидую я вам.

– Ему всего семнадцать. В двенадцать он оставил меня, уехал в Мейо-Колледж. Через год он снова меня оставит: уедет в Оксфорд. И пока я даже думать не хочу о том, что он оставит меня ради жены.

Я поправила сари.

– Вы поступаете дальновидно. А вот Датты, по-моему, поспешили.

Глаза ее блеснули.

– В смысле?

– Они устроили помолвку сына с дочерью Кумаров. Да вы ее знаете – такая, с родинкой на щеке. Разумеется, свадьба состоится лишь после того, как он кончит курс. – Я посмотрела в окно на ее сыновей в белых костюмах для крикета. – Хороших разбирают как горячую *джа-леби*. Родители боятся, что сын уедет учиться в Америку или Англию и вернется с женой, которая ни слова не знает на хинди.

– И правильно. Самые счастливые браки – когда невесту выбирают родители. Взять хотя бы нас с Самиром.

Мне было что возразить, но я удержалась и притворно подула на чай.

– Я слышала, дочь Акбаров обещали за сына Мухаммада Исмаила. Кажется, он одноклассник Рави?

Я отхлебнула глоток и посмотрела на Парвати.

Та выпрямилась, взглянула в окно. Племянница Лалы принесла мальчикам чай. Рави о чем-то разговорился с девушкой и даже игриво щелкнул ее по носу, отчего та захихикала.

Парвати нахмурилась и, не сводя глаз с сыновей, потянулась ко мне, как птенец: покорми. Я сунула ей в рот *намкин* с петрушкой, который приготовила утром. Парвати, как и все мои клиентки, даже не подозревала, что ингредиенты, которые я кладу в свои угощения и которыми рисую узоры на их руках и ногах, распаляют ее желание и похоть ее супруга.

Парвати отвернулась от окна, аккуратно поставила чашку на поднос.

– Если бы я искала сыну невесту – я не говорю, что собираюсь... – Она вытерла губы салфеткой. – Нет ли у тебя кого на примете?

– Сами знаете, в Джайпуре много достойных девиц. – Я улыбнулась ей и поднесла чашку к губам. – Но ведь Рави – мальчик особенный.

Парвати снова посмотрела на сыновей. Племянница Лалы ушла, и Парвати успокоилась.

– Когда я прошу Рави приехать домой из колледжа, он всегда соглашается. Самир сердится: зачем мы тогда вообще посылали его учиться. – Она усмехнулась. – Но я так по нему скучаю. И Говинд тоже. Ему было всего три года, когда Рави уехал учиться.

Она взяла чайник и налила себе еще чаю.

– Знаешь дочку Рая Сингха? Говорят, прехорошенькая.

– К сожалению, ее только вчера сговорили за сына миссис Ратор. – Я вздохнула. Тема была деликатная, и ни я, ни Парвати не собирались раньше времени раскрывать свои карты.

Прищурясь, она взглянула на меня:

⁵ Ярко-красная бинди означала принадлежность к касте брахманов (черная – к касте кшатриев).

– Сдается мне, у тебя есть кто-то на примете.

– Боюсь, мой вариант вам не понравится.

– Это еще почему?

– Ну... пожалуй, он нетрадиционный.

– Нетрадиционный? Лакшми, ты меня отлично знаешь. В прошлом году я была в Советском Союзе – и не один, а два раза. Неру-джи уговорил меня поехать с делегацией Индо-Советской лиги. Давай же, говори.

– В общем... – Я принялась с преувеличенным рвением убирать выбившуюся прядь волос в пучок на затылке. – Девушка не из раджпутов.

Парвати приподняла выщипанную бровь, но не отвернулась. Я тоже не отвела глаза.

– Она из брахманов.

Парвати моргнула. Какой бы современной она себя ни считала, Парвати и подумать не могла, что Рави возьмет жену из другой касты. Представители каждой из четырех индийских каст столетиями женились исключительно на своих, даже вайшьи и шудры.

Я сунула ей в рот очередной *намкин*.

– Лучшей партии для Сингхов нельзя и представить, – продолжала я. – Девушка красивая. Воспитанная. Образованная. Веселая. Рави явно понравится. У ее родителей большие связи. Ваш чай не остыл? Мой остыл.

– Мы ее знаем?

– С самого детства. Давайте я попрошу принести еще чаю? – Я поставила чашку и потянулась к серебряному колокольчику, но Парвати перехватила мою руку.

– Забудь ты о чае, Лакшми! Расскажи мне о девушке, или я вытру ногу о полотенце, и час твоей работы пропадет зря.

Не поднимая глаз, я потрогала пальцем ее ступню – проверила, высох ли узор.

– Это Шила Шарма, дочь мистера В. М. Шармы.

Разумеется, Парвати была знакома с супругами Шарма. Оба семейства вращались в одних и тех же деловых кругах. Строительная компания мистера Шармы, крупнейшая в Раджастане, недавно получила от махараджи заказ на переустройство его дворца Рамбагх. Муж Парвати владел архитектурным бюро, которое спроектировало массу здешних жилых и деловых зданий. Это будет неожиданный союз двух знатных семейств. И если мне удастся устроить этот брак, я буду нарасхват у элиты Джайпура в качестве свахи, а это куда выгоднее, чем рисовать мехенди.

Парвати наклонила голову набок.

– Но ведь... Шила еще ребенок.

За последний год Шила изрядно пополнела на рисовых пудингах и лишних порциях *чапати* с маслом *ги* и выглядела уже не девочкой, а юной женщиной.

– Ей пятнадцать лет, – сказала я. – И она очень симпатичная. Учится в школе для девочек, которую открыла махарани. На прошлой неделе учитель музыки сказал, что Шила поет точно так же, как Лата Мангешкар⁶.

Я взяла чашку. Наверняка сейчас Парвати мысленно подсчитывает плюсы и минусы, совсем как я на прошлой неделе. Плюсы: если объединить обе компании – строительную фирму Шармы и архитектурное бюро Сингха, – они станут приносить куда больше прибыли, чем по отдельности; вдобавок Парвати получит невестку, которая знает английский и сумеет занять разговором политиков и набобов. Единственный минус – Шила из другой касты, пусть и высшей. Были и другие подвохи, о которых я не обмолвлюсь Парвати: как Шила, безобразно скривив губы, дергает кузину за косички, как командует нянькой, как приводит в отчаяние учителя музыки своей ленью. Я обслуживала клиентов годами и наблюдала, как растут их дети.

⁶ Лата Мангешкар (род. 1929) – индийская певица, кинокомпозитор, кинопродюсер и актриса, одна из самых уважаемых закадровых исполнительниц в Индии.

Я лучше всякой профессиональной свахи представляла, у кого какой характер и причуды. Но об этих ее недостатках муж узнает самостоятельно, а я пока помолчу.

Парвати задумчиво теребила бахромку на подушке.

– Помнишь свадьбу дочери Гуптов?

Я улыбнулась.

– Я как увидела ту девушку в саду, которую ты нарисовала невесте, так сразу и поняла: не пройдет и года, как она родит сына. Так и вышло.

Дочь Гуптов вышла замуж по любви, но я об этом умолчала.

– Твои узоры творят чудеса. – Она застенчиво улыбнулась. – Думаю, ты сумеешь помочь одному дорожному для нас человеку.

Я вежливо кивнула, недоумевая, куда она клонит.

– Мы с Самиром вчера вечером были во дворце Рамбагх. Там устраивали прием, чтобы собрать средства и наконец достроить новый *джимхана*, – подчеркнула Парвати, чтобы я поняла, какая она прогрессивная. – Махараджа сказал, что намерен превратить свой дворец в отель. Представляешь? Мы боролись за независимость, вышвырнули англичан – и всё для того, чтобы они снова вернулись в наши дворцы? – Она раздраженно покачала головой.

Я поняла: остановиться в таком отеле смогут позволить себе лишь богатые европейцы, преимущественно британцы.

– Махарани вчера отсутствовала, и это очень странно. Латика обожает вечеринки. Говорят, она... нездорова. – Парвати понизила голос.

Я молчала.

Парвати потеряла ладони, вдохнула аромат хны.

– Быть может, тебе удастся ее исцелить?

Я так долго ждала, чтобы Парвати рекомендовала меня во дворец! Я даже чашку поставила, испугавшись, что дрогнет рука. Если махарани станет моей клиенткой, за ней последуют и другие. Я оглянуться не успею, как заработаю достаточно, чтобы достроить дом! Я принялась мысленно подсчитывать доходы и не слушала Парвати.

Она потянулась за очередной порцией угощения, и я положила намкин ей в рот, стараясь не встречаться с ней взглядом – боялась, что она увидит, как горят у меня глаза. Наверняка она заметила, что у меня дрожат пальцы.

– Я рассказала ее высочеству, что твои мехенди помогли мне забеременеть Говиндом. С глазу на глаз, разумеется. И если я рекомендую тебя во дворец...

Я поняла, куда она клонит. Парвати хочет, чтобы я подыскала Рави невесту, и не хочет оплачивать мои услуги. Вот нахалка! Сватовство требует и усилий, и сноровки. Человеку из высшей касты она безропотно заплатила бы вдвое, а то и втрое от того, что получу я. Даже если я соглашусь на жалкие десять тысяч рупий, она всё равно останется в барыше. Мне наверняка придется потратить несколько недель, если не месяцев, чтобы удовлетворить все стороны. А ведь сватовство порой расстраивается, и все труды пропадают впустую.

Значит, Парвати хочет, чтобы я сосватала невесту ее сыну, а она *за это* рекомендует меня во дворец. Прежде чем отвечать, следовало всё обдумать. Семья махараджи – ее родственники (ее отец был кузеном одной из махарани), следовательно, ей ничего не стоит ввести меня во дворец. Но какая индианка (даже если она богата) не попробует поторговаться? В противном случае ее сочтут дурочкой, легкой добычей. И если я сразу же соглашусь на предложение Парвати, все будут знать, что меня легко перехитрить. К тому же ее рекомендация – еще не гарантия: меня могут взять, а могут и не взять.

Почувствовав мою нерешительность, Парвати подалась вперед и поймала мой взгляд.

– Если бы я умела так красиво рисовать, как ты, Лакшми, я обязательно занялась бы твоим ремеслом. – Для моих клиенток слово «ремесло» оскорбление, а не похвала.

Я сглотнула.

– Ах, *джи*, вы созданы для большего. Кто еще устроит такие шикарные приемы для политиков? Их ведь тоже нужно уметь принять.

Она хихикнула, польщенная моим ответом. Мы вернулись к привычным ролям: я служанка, она мемсагиб.

Но я собиралась разыграть последнюю карту.

– Ваше доверие бесценно, однако ее высочество наверняка привыкла к самым лучшим материалам.

Парвати поджала губы и спросила задумчиво:

– Шести тысяч рупий хватит, чтобы всё купить?

Я расправила бархатное покрывало под ногами Парвати, проверила, высохла ли паста, и гвоздичным маслом удалила излишки хны.

– Кое-что приходится заказывать за границей. Например, листья кафрского лайма. Лучшие везут из Таиланда.

Парвати молчала. Нехватила ли я через край? Я принялась массировать ей ступни, кровь стучала у меня в висках.

Парвати, прищурясь, взглянула на календарь «Пан-Ам» на стене.

– Скоро у нас праздник, – наконец проговорила она. – Двадцатого декабря. Тогда же можно устроить отдельную вечеринку с мехенди для девочек круга Рави. – Парвати коснулась пальцем своей румяной щеки. – Пожалуй, приглашу труппу из Шекспировского театра. Дети от них без ума. – Это позволит ей понаблюдать за девушками, которые могут составить партию Рави. И среди них наверняка будет Шила Шарма.

Парвати вытянула ноги, покрутила ступнями, разглядывая мехенди.

– Но, возможно, ты будешь занята в это время? Посмотри, пожалуйста, в своем календаре.

На вечеринке с мехенди придется потрудиться, но если Парвати рекомендует меня во дворец, это стоит того.

Я улыбнулась ей со всей любезностью, на какую была способна.

– Для вас, мемсагиб, я всегда найду время.

Она улыбнулась, показав ровные мелкие зубы; глаза ее блеснули.

– Значит, договорились. Девять тысяч рупий на материалы для махарани Латики?

Я наконец выдохнула. Я получила первый заказ на сватовство, и хотя он оказался не таким выгодным, как я ожидала, это на шаг приблизит меня к завершению дома, в котором я поселю своих родителей, чтобы загладить вину за то, что им пришлось вынести из-за меня. Осталось лишь устроить этот брак.

Я вернула на щиколотки Парвати тяжелые золотые браслеты.

– Тогда пусть вечеринка с мехенди будет моим подарком вам.

На веранде Сингхов я надела сандалии. Малик со старшим садовником стоял на лужайке под высокой яблоней, голые ветви которой на фоне ясного неба, казалось, щетинились шипами, и над чем-то смеялся.

Я окликнула его.

Он подбежал ко мне. Ножки-палочки – не понять, то ли шесть ему, то ли десять. Сколько лет он недоедал, пока я наконец заметила его, полуголого уличного сорванца в грязных шортиках, который ходил за мной по пятам? Тогда я подозвала его, велела нести за мной судки, и он улыбнулся: у него не хватало двух передних зубов. И вот уже три года мы работаем вместе, лишь изредка перекидываясь парой слов. Я никогда не спрашивала его, есть ли у него крыша над головой или он спит на голой земле.

– Что нового? – спросила я. Пока я обслуживаю клиенток, Малик бегаёт по моим поручениям. Последние несколько месяцев он каждый день заходит на вокзал узнать, не приехали

ли мои родители. Они уже должны были получить деньги на билеты, которые я послала им в последнем письме. Но пока что они ничего не ответили.

Он грустно покачал головой: не любит меня огорчать.

Я вздохнула.

– Пожалуйста, сходи за *тонгой*.

Он умчался к воротам. Сегодня на нем была желтая хлопковая рубашка: я купила ее вместо грубой домотканой рубахи, в которой он ходил раньше. И темно-синие штанишки тоже были новые. А вот от ботинок он отказывался, предпочитал резиновые шлепанцы: дети в его квартале часто воровали друг у друга обувь. Шлепанцы проще заменить – их всегда можно украсть. Сегодняшняя пара была явно велика.

Чтобы поймать рикшу, Малику придется дойти до оживленной улицы, и я дожидалась его на веранде, вдыхая успокаивающий аромат плюмерии. Я сорвала с ветки два цветка и засунула за ухо. Вечером положу их в воду, а утром выстираю кофточку в этой душистой воде.

Я достала блокнотик из кармана, который пришила изнутри на пояс нижней юбки. Отец, школьный учитель, бил учеников линейкой по пальцам, если не получал правильного ответа. Чтобы избежать наказания, я вела блокнотики, куда прилежно записывала (и запоминала) таблицу умножения, имена британских вице-королей и глаголы на хинди. Вот и теперь я привычно записывала в блокнотики дату и время очередного сеанса, краткие пересказы разговоров, материалы, которые нужно купить.

На странице, озаглавленной «Парвати Сингх», я записала: «15 ноября: 40 рупий за руки/ноги». Потом записала дату вечеринки с мехенди в доме Парвати и пометила, что за сватовство получу девять тысяч рупий. Миссис Шарма, которая тоже была моей клиенткой, женщина умная и наверняка сообразит, какую выгоду сулит союз с Сингхами. На капризы дочери она закрывала глаза, но я не сомневалась, что обаяние Рави Сингха сделает свое дело.

На чистой странице я дрожащей рукой написала: «Махараджа Савай Мохиндер Сингх и махарани Латика – клиенты во дворце?» Я уже предвкушала, как развернусь. Если я буду обслуживать саму махарани, все женщины Джайпура выстроятся ко мне в очередь. И тогда, быть может, я смогу выбросить палочку для мехенди раньше, чем рассчитывала. Тут в голове моей прозвучали слова матери: «По одежке протягивай ножки». Я опережаю события.

Я убрала блокнотик, закрыла глаза. Тринадцать лет назад мне хотелось лишь одного – убежать как можно дальше от мужа, которому меня отдали родители. Я и подумать не могла, что в один прекрасный день смогу делать, что захочу, буду сама решать, как жить. Что-то скажут родители, когда увидят, чего я добилась? Я так часто представляла себе, как приведу их в свой дом, покажу дивный мозаичный пол, который придумала сама, электрический вентилятор под потолком, внутренний дворик, где я буду выращивать целебные травы, туалет на западный манер, какого нет ни у кого из их деревни. Я надеялась, что к их приезду строитель закончит работу, но то и дело добавляла приятные излишества. А когда родители увидят, какой дом я придумала, разумеется, они проживут со мной у хозяйки, пока его не достроят?

Я вообразила, с каким изумлением они станут рассматривать дом. Отец наверняка спросит: «Бети, неужели это всё твое?» И они будут гордиться тем, как я устроила свою жизнь. Я до отвала накормлю их *кхиром*, *сабджи* и *роти* из тандыра. Я куплю им новые кровати, так что джутовые сетки будут скрипеть под их тяжестью. Найму *малши*, чтобы массировала усталые ноги Питаджи. Я представила, как Маа разляжется на палисандровой оттоманке, как у Парвати. С шелковыми подушками – почему бы и нет? Набитыми пухом! Я так размечталась – разумеется, пока что все это мне не по карману, – что сама рассмеялась над собой.

– Неужели я *настолько* смешно выгляжу?

Я открыла глаза: на веранду поднимался Самир Сингх, и у меня вдруг закружилась голова. Насколько у Парвати черты были плавными, настолько же резкими были они у ее мужа: острый нос, костистый подбородок, высокие скулы. Больше всего мне нравились его глаза:

темно-карие, в светлых полосках, точно стеклянные шарики, любопытные, живые, веселые. Даже если лицо оставалось серьезно, эти глаза флиртвали, манили, дразнили. За десять лет, что я знала Самира, глаза у него запали, на лбу появились залысины, но неумной энергии он не утратил.

– Среди слепых и одноглазый король, – с улыбкой ответила я.

Он рассмеялся и снял ботинки. Самир являл собой любопытную смесь старой и новой Индии: носил английские костюмы, сшитые на заказ, но соблюдал индийские традиции.

– *Аппе!* Откуда глупой мартышке знать вкус имбиря?

– Кто плясать не умеет, тот пол винит.

Мы частенько забавлялись тем, что перебрасывались пословицами. Мне их твердила расудительная мать, Самир усвоил их в частной школе и в Оксфорде.

Я встала, сунула карандаш в узел волос, спрятала блокнотик в карман в юбке.

Самир приподнял бровь, направился ко мне:

– Так вот где ты прячешь серебро Сингхов?

Я застенчиво улыбнулась.

– И не только его.

– Я смотрю, ты уже нарвала моих цветов? – Он перевел взгляд на плюмерию, которую я заложила за ухо, наклонился ко мне, понюхал цветки. – *Билкул* пьянит, – шепнул он мне на ухо, я почувствовала его теплое дыхание, и у меня заныло в низу живота.

Вот уже тринадцать лет я не знала разгоряченного мужского тела, не чувствовала на себе его тяжести. Стоит мне чуть-чуть повернуть голову, и я коснусь губами губ Самира, согрею своим дыханием его надключичную ямку. Но Самир флиртует со всеми, так уж он устроен. А я все-таки замужняя женщина. Одно неверное движение – и прощайте, источник дохода, независимость, планы на будущее. Я прислушалась, не идут ли слуги, не шуршит ли метла, не шлепают ли босые ноги по каменному полу. И неохотно отстранилась.

– Пьянит красота вашей жены, и вы скоро это увидите.

Самир ухмыльнулся.

– В те дни, когда приходит Лакшми Шастри, миссис Сингх всегда настроена очень... романтически. Кстати... – Он протянул руку.

– Ах да. – Я достала из складок сари три муслиновых мешочка и вложила в его ладонь. – Вы счастливый человек, сагиб. В спальне жена, за пределами дома – свобода.

Он взвесил мешочки на ладони, точно рубины.

– Свобода – вещь относительная, Лакшми. – Он проворно сунул мне в руку несколько сотенных купюр и записку. – Раньше нами владели британцы. Теперь они в нашей власти.

Я развернула и прочла записку.

– *Ангрезии?*

– Англичанки тоже нуждаются в твоих услугах. Она ждет тебя завтра. Она будет дома. – Он убрал мешочки в карман. – Как продвигается строительство?

Теперь-то бы и признаться, что строитель в грубой форме потребовал от меня отдать долги. Я задолжала ему четыре тысячи рупий. Но я сама виновата. Я страстно хотела того же, что есть у моих клиенток: мозаичный пол, туалет на западный манер, толстые стены, чтобы защититься от полуденного зноя. Я сама создала эту проблему, мне ее и решать. Удачное сватовство позволит мне расплатиться со строителем.

– Завтра мозаику будут заливать козьим молоком⁷. Вы бы видели, какая красота!

Он скользнул взглядом по моим губам.

⁷ В Средиземноморском регионе несколько сотен лет назад терраццо (от ит. «терраса») изготавливали путем прессования каменной крошки на поверхность из натуральной глины, а затем уплотнения ее козьим молоком для мозаичной привлекательности.

– Ты приглашаешь меня в гости?

Я рассмеялась.

– Вы спутали мне все планы – и еще рассчитываете на благодарность?

– Кто способен рассмешить друга, достоин рая! – произнес чей-то голос у нас за спиной.

Мы с Самиром обернулись и увидели, что на веранду, перепрыгивая через ступеньки, поднимается высокий мужчина в элегантном сером шерстяном костюме с красным галстуком. Черные кудрявые волосы его были взъерошены.

Самир раскрыл объятия.

– Кумар! – воскликнул он. – Дружище, как я рад тебя видеть! Наконец-то ты выбрался в Джайпур.

– С нашими железными дорогами я не надеялся поспеть ни к обеду, ни к ужину. – Кумар застенчиво улыбнулся мне, и я заметила, что у него один передний зуб заходит на другой. – Приятно познакомиться, миссис Сингх.

Неужели мы с Самиром стояли *настолько* близко?

Самир весело похлопал Кумара по спине.

– *Наи-наи*. Позволь познакомить тебя с миссис Лакшми Шастри, которая дарит красоту всем жителям Джайпура.

– Я так понимаю, Сэмми, за тебя она еще не бралась.

Самир засмеялся. Кумар посмотрел на меня, на Самира, на веранду, на свои ботинки, снова на меня. Такие глаза бывают у людей осторожных.

– Знакомься, Лакшми, это мой старый оксфордский друг Джей Кумар. Доктор Кумар.

Я сделала *намасте*, а доктор одновременно с этим потянулся пожать мне руку и задел мое запястье.

Самир хмыкнул.

– Прости его, Лакшми. Слишком долго прожил за границей. А жены у него нет, некому научить его индийским обычаям.

Доктор Кумар покраснел и перевел взгляд с Самира на меня.

– Извините, миссис Шастри.

– Ну что вы, доктор. – Я взглянула поверх его плеча и увидела, что на веранду поднимается Малик. – *Тонга?* – спросила я.

Малик кивнул. Через несколько кварталов от дома Сингхов мы пересядем с конной повозки на рикшу (это дешевле) и поедем к следующей клиентке.

– Рада была познакомиться, доктор Кумар. Увидимся, *Сэмми*.

В моих устах его старое прозвище прозвучало настолько забавно, что друзья расхохотались.

Я взяла судки, пластмассовый контейнер, велела Малику забрать из-под яблони оставшиеся две сумки и кивком попрощалась с мужчинами, думая о том, что надо не забыть записать в блокнот деньги, которые Самир заплатил за мешочки.

Я спустилась с веранды и услышала, как Самир сказал:

– Идем в дом. Парвати давно хочет с тобой познакомиться!

На последней ступеньке у меня слетела сандалия, я остановилась, чтобы ее надеть, обернулась и заметила, что доктор провожает меня взглядом. Потом дверь закрылась.

В углу веранды стояла Лала. Она нервно кусала губы, теребила уголок *паллу*. Мне показалось, она смотрит на меня с мольбой, и я едва не бросилась к ней, но она стремительно развернулась и скрылась в доме.

Я весь день ездила от клиентки к клиентке, так что к вечеру мы с Маликом совершенно выбились из сил. Мы остановились у базара в Розовом городе, который в этот поздний час оживал: женщины в узорчатых сари выбирали шпильки, мужчины в *куртах* жевали пряный *чат*, старики слонялись без дела, и в сумерках огоньки их *биди* описывали рыжие полукружия.

Я завидовала их дружеской болтовне, тому, что даже ночью вайшьи и шудры вольны идти куда угодно.

После раздела⁸ тротуары в Розовом городе стали уже: по обеим сторонам улиц ютились импровизированные лавчонки, а порою и просто ларьки с навесом из старого сари или брезента. Базарные торговцы потеснились и пустили беженцев из западного Пакистана, пенджабцев и синдхов, и те поставили прилавки, за которыми продавали что угодно, от браслетов до специй. Недаром же старый город розовый: это цвет гостеприимства, шутили торговцы.

Малик жил в одном из многочисленных домишек Розового города. Я ни разу не спрашивала, есть ли у него мать с отцом, братья, сестры. Достаточно и того, что мы каждый день проводим вместе по десять часов, он таскает мои судки, подзывает рикш и *тонги*, торгуется с поставщиками. Разумеется, мы не притворялись друг перед другом: вот и сегодня он бросил на меня нетерпеливый взгляд, когда последняя клиентка заставила нас ждать целый час.

Я дала ему три рупии и взяла с него слово, что он купит себе на ужин нормальной еды, а не жирной и вредной.

– Ты ведь растешь, – сказала я, словно он сам не знал.

Он ухмыльнулся, мигом выпрыгнул из повозки и принялся пробираться сквозь рыночную толпу туда, где горели фонари.

– *Чанати* и *сабджи*, договорились? – крикнула я вслед.

Он обернулся и помахал мне.

– И *чат*. Я же расту, мне нельзя голодать, – выпалил он и скрылся в толпе.

Я села в коляску к ожидавшемуся меня рикше, подумала, не захватить ли на стройку – дом почти готов – и посмотреть, как идут дела. Если каждый день не проверять, строитель, Нарайя, начинает халтурить, и тогда я с ним ругаюсь, заставляю переделывать (как было уже не раз). Но было поздно, я так устала, что спорить с Нарайей не оставалось сил, и я велела рикше отвезти меня домой.

Когда я закрыла за собой калитку и пересекла внутренний дворик миссис Айенгар, было уже восемь. В животе у меня урчало от голода. Я поставила пустые судки возле фонтанчика с водой. Займусь ими, как только служанка миссис Айенгар закончит мыть посуду. Я направилась было к себе наверх, но тут меня окликнула хозяйка:

– Добрый вечер, джи. – Я сложила ладони в *намасте*.

– Добрый вечер, миссис Шастри.

Миссис Айенгар вытерла руки полотенцем. От пряного аромата *мирча* у меня защемило в носу: того и гляди, расчихаюсь. Айенгары были родом с юга и добавляли в пищу столько пряностей, что у меня горло горело от одного ее запаха.

Коренастая миссис Айенгар строго взглянула на меня.

– К вам сегодня приходил посетитель.

Ко мне никто никогда не приходил, кроме Малика, которого миссис Айенгар называла не иначе как «этот хулиган».

Позвякивая золотыми браслетами, она принялась оттирать пальцы от сухой *атты*.

– Он спросил, можно ли подождать в вашей комнате. Но вы же знаете, я не одобряю подобные вещи. – Она бросила на меня предостерегающий взгляд.

– Вы все сделали правильно, миссис Айенгар, – проворковала я. – Он не сказал, что ему нужно?

– Спросил, не из Аджара ли вы приехали. Я ответила, что не знаю. – Она впиалась взглядом в мое лицо: не обмолвлюсь ли я о своем прошлом. – У него еще был длинный-предлинный шрам. – Она провела пальцем от уголка губ к подбородку. – Отсюда досюда. – Миссис Айенгар нахмурилась, погрозила мне пальцем. – Как по мне, у хороших людей не бывает таких шрамов.

⁸ Имеется в виду раздел Британской Индии в 1947 году на доминион Пакистан и Индийский Союз.

У меня заколотилось сердце. Я взяла миссис Айенгар за руку, чтобы успокоить и ее, и себя.

– От готовки кожа сохнет, не правда ли? Если хотите, завтра я намажу вам руки гераниевым маслом.

Миссис Айенгар мрачно уставилась на свои руки, точно впервые заметила.

– Мне неловко вас беспокоить.

– Вы ничуть меня не беспокоите. И в следующий раз, когда ваш муж возьмет вас за руку, он вспомнит вас юной невестой. – Я весело рассмеялась, развернулась и как бы невзначай уточнила: – Он не говорил, когда вернется?

Миссис Айенгар вычищала из-под ногтей липкое жидкое тесто.

– Не говорил.

– На улице он сидит. Я сейчас относилa коровам овощные очистки и сама видела, – подала голос служанка, которая как раз принялась за посуду.

Миссис Айенгар выговорила служанке за то, что та сует нос не в свое дело, я же поднялась на второй этаж, юркнула к себе в комнату и закрыла дверь на засов. Сердце у меня бешено стучало, я никак не могла отдышаться. Неужели я думала, что Хари так и не явится? Ведь прежде я всегда была настороже: не мелькнет ли в толпе лицо с густыми бровями и жутким шрамом. Но шли годы, он не показывался, и я уговорила себя, что муж никогда меня не найдет.

Как же он меня отыскал? В письмах я умоляла Маа и Питаджи простить меня за то, что ушла от Хари, но из осторожности не сообщала свой адрес. Даже когда послала им деньги на билеты до Джайпура, велела спросить на вокзале Малика, который и отведет их ко мне. Однако Малик сказал, что на вокзале никто его не спрашивал. Неужели родители отправили Хари, чтобы тот вернул меня домой? Неужто они до сих пор сердятся на меня? Простят ли они меня когда-нибудь?

Не зажигая верхний свет, я подошла к окну и выглянула на улицу. Под манговым деревом у дома напротив в темноте белела *дхоти*. *Биди* описала красную дугу. В столь поздний час в нашем квартале обычно ни души. Служанка миссис Айенгар сказала, что видела Хари несколько минут назад. Значит, это он. Надо придумать, как встретиться с ним подальше отсюда.

Заслышав на лестнице тихие шаги другого жильца миссис Айенгар, мистера Панди, я открыла дверь. Он шел в задумчивости и вздрогнул, заметив меня.

– Добрый вечер, миссис Шастри. – Пухлые губы его медленно расплылись в улыбке. Обращенные вниз внешние уголки глаз придавали его лицу доброе и терпеливое выражение – завидные качества для учителя музыки. Длинные волнистые волосы падали ему на плечи. Порой я представляла, как он с женой лежит в постели и его волосы на подушке переплетаются с ее волосами.

– Намасте, сагиб. – Я приветственно сложила руки, чтобы унять дрожь. – Как ваши уроки?

– Зависит от ученика, – улынулся мистер Панди.

– На торжестве в честь бракосочетания дочери Гуптов Шила Шарма пела великолепно. И все благодаря вам.

– *Наи-наи*, – он негромко рассмеялся и коснулся мочек, чтобы отпугнуть завистливых духов. – До Латы Мангешкар Шиле еще далеко. – Он занимался с Шилой с раннего детства, и по его скупым рассказам я поняла: Шила осознает, что талантлива, а потому ленится и задается. И если не будет стараться, вряд ли когда-нибудь сравнится с легендарной певицей – вопреки тому, что я наплела Парвати.

– Как здоровье миссис Панди?

– Великолепно, спасибо.

– Мистер Панди, будьте так добры, окажите мне услугу. – Я понизила голос, и он подошел ближе, чтобы расслышать мои слова. Я достала блокнотик, вырвала страницу, набросала записку и протянула мистеру Панди. Он взял ее, глядя мне в глаза.

– Напротив дома сидит мужчина. Курит *биди*. Не могли бы вы отнести ему эту записку? Негоже мне встречаться с ним наедине... – Я осеклась, потупилась и отступила на шаг.

Мистер Панди откашлялся.

– Конечно-конечно. Сейчас?

– Если вас не затруднит.

Он поднял руку, покачал головой.

– Нисколько.

И спустился по лестнице.

Я бросилась к окну. Свет у меня не горел, и я выглянула на улицу, не опасаясь, что меня заметят. Внизу белела *курта пижамы* мистера Панди. Он перешел через дорогу, замялся, но тут в нескольких шагах слева от него вспыхнула спичка, и он направился туда. Я выдохнула.

Два

Сырая штукатурка, камень, цемент. Вот чем пахнет мой новый дом.

Пару часов назад я не стала заезжать сюда, чтобы проверить, как продвигается стройка. И вот в десять вечера, когда мне следовало бы приводить в порядок счета и готовиться к новому дню, я поджидаю Хари в своем недостроенном доме, сжимая в руке нож, которым срезаю растения и раскалываю семена.

Свет с улицы падает на мой дивный пол с мозаикой из шафрановых цветов, выющихся листьев *боте* и вазы с женственными изгибами. Я вспоминаю Хази, Назрин и других куртизанок из Агры, которые показывали мне узоры из своих родных краев – Исфахана, Марракеша, Кабула, Калькутты, Мадраса, Каира. В Тадж-Махале, где я проработала три года после ухода от Хари и до переезда в Джайпур, я расписывала хной руки, бедра и спины жриц любви. Со временем мои узоры становились затейливее. Я рисовала персидского павлина в турецкой ракушке, превращала афганскую горную птицу в марокканское опахало. И когда мне наконец довелось придумывать узоры для пола в собственном доме, я создала рисунок такой же искусный, как мехенди, которыми некогда украшала тела тех женщин, и меня согревала мысль, что значение его известно лишь мне.

Шафрановые цветы означали бесплодие. Неспособность дать семья, как я оказалась неспособна зачать ребенка. Лев Ашоки⁹ – символ нашей новой республики и моего честолюбия. Мне всегда хотелось большего, хотелось добиться всего своим умом, сделать своими руками: родители не верили, что такое возможно. Изысканные узоры у меня под ногами изготовил искусный мастер, который работал исключительно для дворца. А оплачивала я их продажей своих любовных масел, лосьонов, пасты для мехенди, но самое главное – мешочков с целебными травами наподобие тех, что я дала Самиру.

И Хари намерен все это отобрать?

Захрустел гравий под чьими-то ногами. Я робко провела пальцем по лезвию ножа.

Шаги замерли. Потом послышались снова и затихли у порога. Я застыла сбоку от двери, в темноте, часто дыша.

Дверь отворилась, и вошел Хари. Сзади его освещал фонарь, точно прожектор на сцене. Густые волнистые волосы закрывали лоб. Острый нос, мягкий подбородок, высокие скулы – практически красавец. Хари обвел глазами комнату и заметил меня.

Мы молча уставились друг на друга. Он скользнул взглядом по моему лицу, тонкому хлопковому сари, серебристым сандалиям. Я хотела было запахнуть сари плотнее, но удержалась.

Он приоткрыл рот, попытался выдавить улыбку.

– А ты все такая же красивая.

Он серьезно? Или, как прежде, сопровождает похвалу насмешкой?

Под мышкой у него зияла прореха, на груди темнели пятна от карри. *Дхоти* в пыли. Вдобавок у Хари наметился второй подбородок, хотя раньше он был толще. От него несло потом и дешевыми сигаретами.

Я не ответила, и он подошел к стене, восхищенно провел ладонью по штукатурке. Я поморщилась: мне не хотелось, чтобы он лапал то, что принадлежит мне.

Он уставился на мозаичный пол.

– Чье это? Кто здесь живет? Я думал... ты же вроде живешь в другом месте? С теми южанами?

– Мое. Я построила этот дом. – В моем голосе сквозила гордость.

⁹ Ашока – правитель империи Маурьев с 273 по 232 г. до н. э.

Он нахмурился, недоуменно наклонил голову набок. Некогда мы обитали в однокомнатной хижине: его мать спала в передней ее половине, на кухне, среди кастрюль и сковородок, а мы с ним в задней, за занавеской.

Он прикрыл рот рукой, словно задумался.

– Неужели это *ты* построила?

Узнаю Хари. Он всегда считал, что я гожусь лишь вынашивать и нянчить детишек.

– Я заработала на все это. На дом. – И добавила, не удержавшись: – Ты в жизни столько не зарабатывал.

Глаза его недобро сверкнули. Он скривился.

– *Я*? Ты забыла, что сама меня бросила? – Он зажмурился, потрянул головой, точно отгоняя злость. – Не хочу я с тобой ругаться. Сделанного не воротишь, верно? Я тебя прощаю. Давай начнем все сначала.

Когда я увидела его лохмотья, то сперва даже пожалела. Вот дура! Допустим, он вправе на меня злиться: бесплодная жена – позор и обуза для мужа. Такую не грех вернуть родителям. В пятнадцать лет я была слишком робка, слишком наивна и не умела сладить с грубостью Хари. Но за эти годы я стала умнее: теперь меня не запугать. И извиняться я не намерена.

– Ты меня прощаешь? После того, как ты со мной обходился?

Он смутился.

– Но твоя сестра сказала...

– *Сестра*? – Что он городит? – Нет у меня никакой сестры.

Он нахмурился, обернулся к двери.

– Ты меня обманула?

Я проследила за его взглядом. В полумраке у самых дверей стояла девушка, тоненькая, как веточка *нима*. Как же я ее не заметила?

Она вышла на середину комнаты, не сводя с меня замороженных глаз. Она была на полголовы ниже меня. Растрепанные, пыльные темно-каштановые волосы, расчесанные на пробор и собранные в косу, доходили ей почти до талии. Из-под хлопковой оранжевой шали, завязанной за спиной и над плечами, виднелась истрепанная нижняя юбка. На девушке была линялая синяя кофточка. Ни обуви, ни украшений.

Она подняла руку, словно хотела коснуться моего плеча.

– Джиджи? – спросила она.

Но у меня нет младшей сестры! Я отшатнулась, и нож блеснул в свете уличных фонарей. Девушка ахнула.

Хари шагнул между нами и ткнул пальцем в девушку:

– Отвечай!

Девушка отпрыгнула, обхватила себя руками.

Я перевела взгляд с Хари на девушку, потом снова на Хари.

– Что происходит?

Хари выудил из кармана коробок спичек и швырнул к моим ногам.

– Сама посмотри.

Может, это уловка? Ведь чтобы зажечь спичку, мне придется положить нож. Я медленно потянулась за коробком, не спуская глаз с Хари. Он сжимал и разжимал кулаки, но не двинулся с места. Я чиркнула спичкой, поднесла ее к лицу девушки. Она тарасилась на меня огромными глазами, сине-зелеными, с отливом, цвета павлиньего пера. Нос у нее был тонкий, прямой, с небольшой горбинкой. Ротик круглый, как бутон, и такой же розовый. Я снова поднесла спичку к ее глазам: она смотрела на меня, не мигая.

Кровь стучала у меня в висках. Я покачала головой.

– Не может такого... После меня мама родила двух девочек, но обе не дожили до года.

Хари тоже одолевала сомнения.

– Она сказала, что родилась в тот год, когда ты от меня ушла. Сказала, ты знаешь.

Маа была беременна, когда я ушла от Хари? И у нее родилась еще одна дочь? А я даже не знала? В голове моей вихрем проносились мысли. Наверное, мама подумала, что придется снова собирать приданое, и пришла в отчаяние! Как многие беднячки, дочерей она считала обузой. Но тогда почему родители не приехали вместе с ней в Джайпур, ведь я выслала им деньги? Почему эта девушка приехала с Хари?

В свете спички я оглядела ее с головы до ног и заметила синяки на руках.

– Как тебя зовут?

Покосившись на Хари, она ответила:

– Радха.

Спичка обожгла мне пальцы. Я бросила ее на пол и зажгла другую. У меня тряслись руки.

– Где Маа? – спросила я.

На глаза Радхи навернулись слезы.

– Ее больше нет, Джиджи, – еле слышно ответила она.

Ноги у меня задрожали, точно резиновые.

– А Питаджи?

Девушка кивнула: тоже умер.

Оба умерли?

– Когда?

– Питаджи восемь месяцев назад. Мама – два месяца.

Меня словно ударили под дых. Все эти годы я мечтала, как помирюсь с родителями, и не задумывалась о том, что мы, возможно, никогда не увидимся. Значит, родители отправились на погребальный костер, окутанные позором? Окруженные сплетнями о непокорной дочери, которая бросила мужа?

Родители уже не узнают, сколько раз я хотела уйти от Хари за те два года, что мы прожили вместе. Меня останавливал страх, что мой побег запятнает их репутацию – до того самого дня, когда я поняла, что больше не в силах выносить побои, кровоточащие раны, слова точно острый нож. По утрам я с трудом поднималась с пола. И все из-за чего? Из-за того, что я не могла родить ему ребенка. В первый год нашего брака его мать, милейшая женщина, поила меня чаем из дикого ямса и отваром из клевера с перечной мятой в надежде, что это поможет моему телу произвести на свет младенца. Она готовила снадобья из листьев крапивы, чтобы укрепить мои внутренности. Я до волдырей во рту жевала семена тыквы, чтобы к моим половым органам прилила влага.

Свекровь ухаживала за моим телом так же прилежно, как я за ее огородом – удобряла почву, сажала семена, подкармливала слабые растения. Но терпеливые заботы моей *саас* так и не дали ее сыну того, о чем он мечтал. Для индийца сын или дочь – доказательство его мужской силы. Это значит, что он имеет право занять почетное место в легионах мужчин, которые дадут жизнь следующему поколению. Хари, как и многие в его положении, чувствовал, что я лишила его этого права.

Если бы Маа и Питаджи приехали в Джайпур, я непременно объяснила бы им это. Быть может, они даже согласились бы, что я поступила правильно, когда бросила Хари и выстроила себе блестящую новую жизнь. Но они не приехали.

Спрашивать не хотелось, но мне нужно было это знать.

– А твоя мать? Она... по-прежнему с нами?

Хари сглотнул и отвернулся.

На глаза мне навернулись слезы. Его мать, моя *саас*, тоже умерла? Я любила эту добрую женщину, как родную мать. Она часами учила меня, как правильно собирать цветы дерева дхак, которые помогали наладить регулы, как измельчить болиголов, чтобы приложить к вол-

дырю и не обжечь кожу. Ее уроки дали мне ремесло. Я выжила только благодаря ей. Но она уже этого не узнает.

Когда голос вернулся ко мне, я спросила:

– Но если Маа скончалась два месяца назад... почему ты приехала только сейчас?

Девушка покосилась на Хари и опустила глаза.

Он потер шрам на подбородке.

– Надо же было собраться в дорогу.

Я догадалась, что он врет. Он точно так же потирал шрам, когда уверял моего отца, что станет рикшей и этим будет кормить семью.

Я снова поднесла горящую спичку к лицу девушки. Что у нее на горле – синяк или просто тень? От нее воняло навозом. Как и от Хари. Значит, они не потратили деньги, которые я выслала родителям на билеты.

Я перевела взгляд на Хари:

– Куда ты дел деньги, которые я послала?

Хари поджал губы и с вызовом уставился на меня.

Спичка догорела, я чиркнула следующей и снова повернулась к девушке.

– *Рундо Рани*, – хрипло выдохнула я.

Девушка заломила руки.

– *Рундо Рани*, – повторила я.

Она приоткрыла рот.

– *Рундо Рани!* – В третий раз я повысила голос.

– *Рундо Рани, бурри саяни. Питхи тунда, тунда пани. Лакин куртхи хе мунмани*, – выпалила она и прикрыла губы рукой, пряча улыбку.

Этот стишок сочинил папа и пел его всем дочерям, в том числе мне. «*Маленькая королева считает себя самой главной. Пьет только холодную-прехолодную воду. Но вечно озорничает!*»

Я медленно выдохнула. Радха подтвердила то, что я уже видела: у нее мамины глаза.

Радха опустила руку, улыбнулась мне, и я отметила, что лицо у нее совсем взрослое, хотя тело еще детское.

У меня есть *сестра*, и пока я убегала от своего прошлого, она росла. Но почему родители не сообщили мне об этом? *Хотя как бы они сообщили, я ведь не писала на конвертах свой адрес.*

Я и забыла о Хари, но тут он подал голос:

– Мы все еще женаты. Ты все еще моя жена.

Я передернула плечами.

– Мы можем начать сначала, Лакшми.

Нет! Я швырнула коробок к его ногам.

– Мы разведемся.

Он гневно раздул ноздри. Узнаю прежнего Хари.

– Теперь мне все ясно. – Он кивнул на Радху. – Вы и правда сестры. Обе лгуньи.

Что он имеет в виду? Я вопросительно посмотрела на Радху, но та потупила взгляд.

Хари обернулся ко мне и процедил сквозь зубы:

– Даже имя твое – ложь. Какая из тебя богиня благополучия! Ты бы в жизни сама не заработала на такой дом. – Он обвел рукой комнату и спросил, прищурясь: – Кто тебя содержит?

Он решил, что я чья-то любовница: иначе и быть не могло. Ну и пусть думает, будто женщина не способна зарабатывать самостоятельно!

Я сделала над собой усилие, чтобы ответить спокойно:

– Закон приняли в этом году. Теперь мы можем развестись.

Он прикусил губу и подобрал коробок. Снова оглядел комнату, пол, мое сари. Несколько мгновений мы молчали.

А потом меня осенило.

– Ты хочешь денег, – сказала я.

Ну разумеется! Хари ничуть не изменился: вместо того чтобы уехать в большой город работать рикшей, а возвращаясь домой, отдавать мне заработанные деньги, он остался в деревне, день-деньской спал, ел да пытался меня обрюхатить. И если бы не гроши, которые его мать зарабатывала продажей снадобий и целебных трав со своего огорода, нам было бы нечего есть.

Взгляд его вдруг смягчился.

– Только пока... – пристыженно пролепетал он.

– Сколько? – перебила я.

Он поскреб лоб, переступил с ноги на ногу.

– А сколько ты можешь дать?

– Я работаю не покладая рук. Все, что ты видишь, заработано годами труда. И оно еще даже не мое. – Я прищурилась. – У меня долги, и в отличие от тебя, я привыкла их отдавать.

Он заскрипел зубами.

– Хочешь, чтобы я рассказал всем правду о тебе? Что подумают твои мемсагибы, когда обо всем узнают?

У меня заколотилось сердце. В таком виде ни один *чокидар* не пустит его за ворота роскошного особняка, который стережет. Но Хари не хуже меня понимал, что привратников – как и всех, кому надо кормить семью и собирать приданое, – легко подкупить.

Радха не сводила с нас глаз.

– Сколько ты пробудешь в Джайпуре? – спросила я Хари.

Он пожал плечами.

Я глубоко вздохнула – раз, другой, третий. Достала из кармашка на поясе юбки свернутые купюры. Рупии, которые я откладывала, чтобы отдать долг строителю. Я швырнула их на мозаичный пол – точно так же, как некогда Хари швырял свои скудные заработки на пол нашей хижины.

Он уставился на купюры. Наверное, прежде в глаза не видал столько денег. Потом наклонился и поднял их.

Почесал заросший подбородок. Поймал мой взгляд. Открыл рот, словно хотел что-то сказать.

Я молчала.

Хари закрыл рот. Посмотрел на Радху, но она отвернулась. Покачал головой и вышел из дома.

На душе у меня было беспокойно – бог знает почему. Годами я представляла, что скажу Хари при встрече. Как наброшусь на него с кулаками. Как надаю пощечин. Запинаю. За все измывательства и унижения. И вот мы увиделись впервые за тринадцать лет, а злость на него прошла – осталась лишь жалость.

Голос Радхи вывел меня из задумчивости:

– Джиджи, так ты все эти годы жила в Джайпуре? Ты так одета...

Я подняла руку: молчи. Подбежала к окну и увидела уходящего Хари. Когда он скрылся из виду, сунула пальцы в рот и свистнула. К окну тут же подскочил Малик, а за ним двое парнишек, каждый в два раза выше его: они пришли меня защищать.

– Он ушел, тетя босс. Рикша ждет за углом.

Я отсчитала пять рупий. Малик дал парнишкам по рупии, оставшиеся взял себе. Прирожденный делец.

На обратном пути в коляске рикши Радха рассматривала меня. Догадываюсь, о чем она собиралась спросить, когда я велела молчать. Где ты была все эти годы? Почему убежала? Как

оказалась в Джайпуре? Я никак не могла опомниться от потрясения после встречи с Хари, от того, что троих дорогих мне людей, оказывается, нет в живых. Я старалась привыкнуть к мысли, что теперь у меня есть сестра, вот она, подле меня, такая же настоящая, как боль, что стучит в висках.

Я неторопливо расправила сари на плече и откашлялась.

– Во-первых, глазеть неучтиво.

Она отвернулась, но потом снова повернулась ко мне, словно не могла удержаться.

– Джиджи...

Я вскинула руку.

– Во-вторых, поговорим дома.

Рикши и *тонга-валлы* сеяли слухи, как птицы, что засыпают землю съеденными семенами. И я не собиралась давать пищу для сплетен.

Я почувствовала, что Радха опять смотрит на меня, и прикрыла глаза: не приставай. Виски давило нестерпимо. Неужто эта девушка и правда моя сестра? Экая замарашка! Чумазая, как бык-брахман¹⁰, что неделю провел на пастбище. В ее возрасте я сама заплетала косу, стирала в реке юбки, а прежде чем улечься спать, обязательно мыла ноги. Неужели Маа ничему ее не научила? От девушки пахло сеном: значит, они с Хари добирались до Джайпура на крестьянских подводах. А деньги, которые я выслала родителям на билеты, Хари прикарманил.

Я открыла глаза, покосилась на ее сцепленные в замок руки. Под ногтями черная кайма, точно у побирушки. Как прикажете объяснять всем появление сестры, о существовании которой я даже не подозревала? Конечно, клиентки не в курсе подробностей моей семейной жизни, но что я скажу миссис Айенгар? *В-третьих, никогда не говори никому о Хари.* Судя по его виду, он по-прежнему перебивается грошовыми заработками. Очень может статься, что Хари решит задержаться в Джайпуре и жить за мой счет. Я наконец пожинаю плоды своих трудов, ну почему я должна кормить два лишних рта?!

Впрочем, я, пожалуй, несправедлива. Я ведь с радостью кормила бы тех двоих, кого так ждала: отца и мать. Возможно, Радха послана мне в наказание за позор, которым я их покрыла. После моего побега и родители, и свекровь, и Хари наверняка стали изгоями. Их не звали ни на религиозные церемонии, ни на свадьбы, ни на дни рождения, ни на похороны, а то и плевали им вслед. Я вспыхнула от стыда.

Радха склонила голову на грудь, и я заметила, что она заснула под мерное покачивание коляски. Она привалилась было ко мне, но я отодвинулась, досадуя на ее близость, и она отклонилась в другую сторону, откинула голову на потрепанную парусину кабинки.

Я наконец рассмотрела ее лицо – овальное, как у Маа, не сердечком, как у нас с Питаджи. Если Радха родилась в тот год, когда я ушла, значит, сейчас ей тринадцать, но выглядела она старше. Меж бровей и вдоль уголков рта у нее уже залегли морщины.

Я оглядела круглые темные отметины на ее руках – видимо, следы пальцев Хари. Я сбегала от его побоев, и он выместил злобу на Радхе? При мысли об этом меня бросило в дрожь.

Радха тоже вздрогнула, точно в ответ. Я укутала ее худенькое тело своей шерстяной шалью. Вряд ли у нее есть свитер. Должно быть, намерзлась в дороге.

Кожа у нее была чуть темнее моей. Наверняка она больше моего бывала под открытым небом: таскала воду из деревенского колодца, собирала навоз под полуденным солнцем, как я много лет назад. Ступни в трещинах. Купание придется отложить до утра – не хватало еще перебудить всех домашних миссис Айенгар и вдобавок мистера Панди с женой.

Раз ей тринадцать, значит, учится в шестом классе. Надо будет подыскать ей государственную школу. От дочерей клиенток я знала, что новый учебный семестр начнется в январе. А до того как быть? Не могу же я оставить Радху у себя в комнате, пока я разъезжаю по кли-

¹⁰ Мясная порода зебу.

енткам. Миссис Айегар любопытна, она замучает ее расспросами. Может, брать Радху с собой? Одежда! Нужно ее приодеть, прежде чем вывозить в общество.

Голову распирало от мельтешающих мыслей. О том, что дальше, было страшно и думать. А то не засну.

Я потрясла Радху за плечо, чтобы разбудить. Мне придется многому ее научить, и как можно скорее.

Три

16 ноября 1955 года

За символическую плату миссис Айенгар разрешала пользоваться ее *альмирой*. На одной полке я держала сложенные сари в изящных узорах пастельных оттенков: в крапинку, тонкую полоску, мелкий – не крупнее божьей коровки – цветочек. На другой – кофточки, разложенные по цветам: светло-голубые, ярко-зеленые, карамельно-розовые, кипенно-белые, цвета слоновой кости. Шальвар-камизы, которые я любила носить, когда была помоложе, лежали на нижней полке, вместе с однотонными *чунни*.

– Это все твое, Джиджи? – Радха, после купания завернутая в полотенце, заглянула в *альмиру* и потерла палец о палец, словно хотела пощупать хлопок и изысканные шелка. Вчера вечером в коляске рикши я рассказала ей о своих клиентках и предупредила:

– В-четвертых, никогда не трогай чужого. Пикнуть не успеешь, как тебя обвинят в воровстве.

Я выбрала розовое сари с каймой из пурпурных цветов и проворно разгладила складки, прежде чем заправить полотнище за пояс моей нижней юбки.

– Большинство моих клиенток хлопок не носят, только шелка, да такие тонкие, что их можно протянуть через кольцо. По особым случаям надевают сари, расшитые золотой и серебряной нитью. – Я взглянула на Радху. – Недавно я рисовала мехенди невесте. Ее сари было так густо расшито золотом, что сестры втроем вели ее по ступенькам к *мандану*.

– Как же она шла вокруг костра?

Я приподняла бровь.

– Очень-очень медленно.

Радха рассмеялась неожиданно грудным смехом, шелестевшим, точно карты, которые мальчишки цепляют к спицам велосипедов.

Я со стуком бросила на пол коричневые сандалии на плоской подошве, с гладкими ремешками, заставила Радху обуться. Судя по мозолям на пятках, она привыкла бегать босиком. С сандалиями ей легче будет привыкнуть к обуви.

Она скинула полотенце, и я снова увидела синяки. Вчера они были кроваво-красные, сегодня чуть побледнели. Наши взгляды встретились, и Радха скрестила руки на груди, чтобы спрятать от меня синяки.

– Меня овца боднула, когда мы ехали в грузовике. Завтра пройдет.

Мы многое скрывали друг от друга. На заре, когда я на крыше купала сестру – до того, как проснутся дворничихи и примутся подметать улицу, до того, как служанка миссис Айенгар придет за выстиранными сари, которые вчера развесила сушиться, – Радха отказывалась говорить об одном, я – о другом. Меня обуревали противоречивые чувства: очень хотелось спросить, не бил ли ее Хари (как когда-то меня), но я боялась узнать правду. Что бы она ни ответила, я заранее винила во всем себя. Наверняка он это сделал, чтобы отплатить мне.

Я надела на нее ярко-зеленую рубаху, разгладила на ее худеньких плечиках. *Камиза* была слишком широка для ее узкой груди; я зацепила ткань, чтобы посмотреть, насколько придется ушивать. Белые хлопковые шальвары нужно будет укоротить на дюйм-другой: сейчас штанины волочились по полу, а в талии были свободны на добрые пять дюймов. Наконец я набросила Радхе на плечи белый шифоновый *чунни* и отступила на шаг, чтобы оценить дело своих рук.

Зеленая рубаха подчеркивала ее иссиня-зеленые глаза; волосы ее казались чернее. Я оттерла Радху от пыли и грязи, и теперь ее розовая кожа блестела от кокосового масла. Уло-

жить волосы, повесить на шею ожерелье, немного подкормить – и сестру будет не отличить от дочерей моих клиенток.

Радха заметила, что я люблюсь ею, и застенчиво улыбнулась.

– *Джиджи*, у тебя нет чего-то поярче?

– Кричащие расцветки носят деревенщины, – сказала я. – Яркими могут быть только шелка, как у моих клиенток. И забудь о дешевых, расшитых стекляшками сари: ты не прачка.

Она приоткрыла рот, губы у нее задрожали.

Не слишком ли я резка?

Радха устала в горлышко *мутки*, который привезла с собой из деревни. Там блестели россыпи крошечных стеклышек на подвенечном сари нашей матери.

Я не сразу поняла, что задела сестру за живое, совсем как на крыше, когда ловила блох в ее волосах.

– Ты вообще не моешься, что ли? – спросила я.

– Мы десять дней ехали на подводе с сахарным тростником, потом на грузовике с овцами, – жалобно, точно извиняясь, ответила Радха.

Я мигом пожалела о том, что и как сказала. Если Хари прикарманил мои деньги, она-то тут при чем? Да и у меня в Аджаре были блохи, когда я околачивалась среди коз и шелудивых псов. Надо быть с нею помягче.

Со двора донесся звон металлических бидонов, возвещая о прибытии молочника. Обрадовавшись поводу сменить тему, я поспешно обулась.

– Пойду перехвачу *дуд-валлу*. Нам нужен литр молока на *бурфи*.

Я открыла дверь и увидела Малика, который застыл с поднятой рукой, собираясь постучать. Причесаться он не удосужился, но рубаха и штанишки были чистые. Малик что-то жевал.

– *Аппе*, Малик! Ты пришел рано.

– Кто это? – Он кивнул на Радху.

– Радха, моя сестра. Будет жить у меня.

Подробнее я объяснять не собиралась, а Малик вряд ли станет допытываться.

– Ты же знаешь, от *паана* у тебя почернеют зубы.

Мальчишка невозмутимо ответил:

– Сегодня базарный день, тетя босс. Клиенток нет, а значит, никто не станет мной умиляться и заглядывать ко мне в рот. – И он улыбнулся, продемонстрировав зубы в табачной пасте.

Я достала из карманчика в нижней юбке список покупок и протянула Малику. Он пробежал его глазами и уточнил:

– Что-то еще?

Я оглянулась на ряд бутылочек на рабочем столике.

– Лавандовое масло. – Сегодня утром мы извели весь пузырек на синяки Радхи. – И экстракт магнолии. – Ступни у Радхи еще грубее, чем у Лалы. Наверное, сестра всю жизнь ходила босой.

Малик кивнул и уставился на Радху.

Я подняла с пола грязные лохмотья, в которых она приехала, и сказала Малику:

– Как вернешься с базара, сожги эти вещи.

Радха вскрикнула.

Я обернулась к ней. Наверное, это единственная ее одежда.

– В них кишат блохи. Мы тебе новые купим.

Радха залилась румянцем, взглянула на Малика и тут же опустила глаза. Должно быть, ей стало стыдно из-за того, что я при нем упомянула о блохах. Я посмотрела на Малика, но лицо его было бесстрастно. Я выпроводила мальчишку, и мы оба отправились каждый по своим делам.

Вернувшись в комнату с железным молочным бидоном, я застыла на пороге: что-то изменилось. Спрятав руки за спину, Радха стояла у длинного столика, на котором я держала целебные травы. Она покосилась на меня опасливо, точно зверенок. Наверное, что-то натворила и теперь боится, что я ее накажу. Я оглядела пузырьки с лосьонами и маслами, ступку и пестик, мраморную доску, на которой я смешиваю растения и семена. Все стояло не так, как я оставляла. Банку со свежесобранными травами тоже передвинули. А потом я заметила, что в тазике с плюмерией, где я накануне замочила кофточку, не хватает одного цветка. Я посмотрела на Радху, и она прикрыла руками голову. Второй цветок плюмерии красовался в пучке волос у нее на затылке.

– «В-десятых, если хочешь, чтобы клиентки приглашали тебя домой, от тебя всегда должно пахнуть цветами», – лукаво улыбнулась она.

Вчера вечером после первого, второго, третьего и четвертого пунктов я сказала ей, что, *в-пятых, нужно сидеть прямо* (она горбилась, точно привыкла сидеть на корточках на земле, когда стирала или готовила), *в-шестых, не разевать рот* (она таращилась на мотороллеры, точно на мартышек, поющих на хинди), *в-седьмых, есть с закрытым ртом* (она откусывала новый кусок чапати, не дожидаясь предыдущий, словно неделями голодала), *в-восьмых, улыбайся, когда я утром буду знакомить тебя с миссис Айенгар* (обычно Радха смотрела встревоженно и угрюмо). Когда я дошла до девятого пункта, она уже доела, и глаза у нее слипались. Я постелила ей на полу у *альмиры*. Она чесала голову, и я сказала, что спать со мной на кровати она будет лишь после того, как мы выведем блох. Радха не возражала. То ли привыкла спать на полу, то ли слишком устала.

Я много лет жила одна, вдобавок мне еще не доводилось воспитывать ребенка. Объяснить ей, мол, нужно спрашивать, прежде чем что-то взять, или не стоит? В конце концов, она из деревни и не привыкла к городским удобствам, которые я принимала как должное.

Я поставила бидон на стол, улыбнулась Радхе и указала на таз с кофточкой:

– Будь так добра, повесь ее сушиться, а я пока уложу волосы.

Она расслабилась, словно все это время боялась вздохнуть, взяла со стола пузырек и спросила:

– Джиджи, а это для чего?

– Это масло *бавчи*, – ответила я. – Для роста волос. Тебе не надо, у тебя и так густые.

Она ткнула пальцем в стоящую на красной бархатной салфетке глиняную миску с темно-коричневой каймой:

– А это какая-то особенная вещь?

Я отогнала ее от стола, чтобы не трогала старую миску, в которой моя *саас* смешивала растения.

– Я в ней делаю пасту из хны. Иди повесь кофточку. – Я взглянула на наручные часы и добавила: – И поедем к портнихе. Если успеем до завтрака, она будет торговаться на голодный желудок.

Редкие волосы портнихи, сквозь которые просвечивала изжелта-смуглая кожа, были расчесаны на прямой пробор и собраны в клочковатый узел. Заколов булавками три пары *шальвар-камиз*, которые мы привезли с собой, она высунулась в окно и крикнула чаю. Через пять минут мальчишка принес три стаканчика горячего чая. Я взяла стаканчик, но, заметив на поверхности чая масляную пленку, не отпила ни глотка и отдала стаканчик Радхе. Она моментально осушила свой, а потом и мой. Надо будет сказать ей, что пить залпом некрасиво.

– Сколько? – спросила я портниху.

Она сняла с полки большую жестянку нюхательного табаку, взяла щепоть, резко вдохнула сперва одной, потом другой ноздрей, как Маа когда-то, и громко чихнула с открытым ртом.

– Вы не говорили, что у вас есть сестра, – сказала она.

– А вы не говорили, что у вас есть оранжевый шелк, – парировала я. – Представьте мое удивление, когда я увидела Парвати Сингх в кофточке точно из такого шелка. И ведь я вас спрашивала!

Она поджала губы.

Радха переводила взгляд с портнихи на меня.

Ссориться я не привыкла, и уж тем более мне не улыбалось нажать врага в лице одной из лучших портних Джайпура. Я достала из сумочки пузырек.

– Вот, держите, пока не забыла.

Она схватила бутылочку и спрятала в складках сари.

– Послезавтра будет готово, – сказала она.

– Завтра. – Я встала.

Когда мы вышли из дома портнихи, Радха спросила, что было в бутылочке.

– А ты не догадываешься?

Мы шли молча. Вдруг Радха застыла на месте.

– Масло *бавчи*?

Я улыбнулась, взяла ее за руку, и мы продолжили путь.

– Бедняга была лысая на полголовы, пока не стала пользоваться моим маслом.

Радха рассмеялась.

– Тетя босс!

Возле нас затормозил рикша, на подножке стоял Малик.

– Так-то ты тратишь мои деньги? – Я прищурилась.

Он приложил руку к сердцу, склонил голову.

– Тетя босс, я забочусь о моих госпожах. – Он помог мне залезть в коляску, потом подал руку Радхе. Малик сосал тамариндовую конфету¹¹, предложил одну моей сестре, и она жадно сунула ее в рот.

В-тринадцатых, сладкое портит зубы, мысленно добавила я в список того, чему надо научить Радху, и принялась разворачивать покупки.

– Лавандовое масло купил?

Малик, усевшийся рядом с Радхой, подался ко мне.

– *Тот, кого весь мир считает мудрецом, для домашних пустое место*. Не просто купил, а еще и со скидкой.

– Тогда где сдача?

Малик простер ладони к рикше:

– Думаете, он нас бесплатно везет?

Меня так и подмывало рассмеяться, но я удержалась и увидела, как Малик приветствует Радху: в церемонном *саламе* он приложил горсть ко лбу, потом ко рту и к сердцу. Радха улыбнулась. Я вернулась к покупкам.

– Джиджи! Смотри! Ну просто корона Кришны! – крикнула Радха и показала пальцем на здание.

Я мягко опустила ее руку.

– Что там у нас в-шестых?

Радха задумчиво нахмурилась.

– Не таращиться с открытым ртом?

– Молодец. Это Хава-Махал¹². В нем без малого тысяча окон. Быть может, обитательницы дворца сейчас смотрят в окно и не хотят, чтобы их увидели.

¹¹ Сладость, которая напоминает тянучку и изготавливается из плодов тамаринда или индийского финика.

¹² Хава-Махал – пятиярусное гаремное крыльцо дворцового комплекса джайпурского махараджи Савай Пратап Сингха (годы правления – 1778–1803), построенное из розового песчаника в форме венца Кришны (не позднее 1799 г.).

Дворец ветров остался позади; Радхе явно хотелось обернуться и проверить, не провожают ли нас взглядами обитательницы дворца. За ней нужен глаз да глаз. Моя младшая сестра любознательна и резва, что хорошо, но совершеннейшая дикарка – а вот это уже опасно.

Двадцать минут спустя я велела рикше остановиться.

– Мне нужно по делам, я сойду здесь. Малик, доберетесь домой, покажи Радхе, как я делаю *ладду*. Да смотрите, чтобы миссис Айенгар не застала вас у ее очага.

– Как скажете, тетя босс. Но... – Он театрально пожал плечами. – Вы же сами все время твердите, что *ладду* не еда.

Я вспыхнула. Ну конечно! Я и забыла, что Радха сегодня ничего не ела – только выпила чай у портнихи и сжевала конфету, которую дал ей Малик. Он заметил, что она проголодалась. Я тоже не завтракала, но я уже привыкла. А Радха растет. Как же я не подумала!

– Дома есть *алу*, *гоби*, *пиядж*. Радха, ты сумеешь приготовить *сабджи* и *чапати*?

Радха кивнула с серьезным видом.

– Вот и хорошо. – Я вылезла из коляски. – Только вымойте руки. И на этот раз с мылом, слышишь, Малик?

Десять лет назад, в Агре, я зарабатывала на жизнь тем, что готовила противозачаточные отвары для куртизанок, и они щедро платили. Особенно добры ко мне были госпожа Хази и Назрин: в обмен на мои отвары они пускали меня на постой в принадлежавшие им дома. А в свободное время наставляли в искусстве мехенди. Рисовать палочкой на теле оказалось не сложнее, чем кистью на сухом листе дерева бодхи, как учил меня Манчи-джи, когда я жила в деревне. Я быстро освоила это ремесло и вскоре уже украшала руки, ноги, животы, спины и груди куртизанок узорами из их родных краев – Исфахана, Марракеша, Кабула, Калькутты, Мадраса, Каира, – которые они мне показали.

Приезжая по делам в Агру, Самир Сингх частенько заглядывал в увеселительные заведения Хази и Назрин. Там ели, пили, курили кальян мусульманские аристократы, бенгальские коммерсанты, индийские доктора, а куртизанки читали им старинные стихи, пели сладкозвучные ностальгические *газели* и под ритмы искусных музыкантов исполняли классический танец *катхак*. Прознав о моем мастерстве, Самир разыскал меня и обратился ко мне с предложением:

– В Джайпуре немало господ, которые предпочтут вырыть у дома колодец, чтобы не допустить пожара, – если ты понимаешь, о чем я. И они дадут втрое от того, что тебе платят в увеселительных домах.

В общем, он предложил мне перебраться в Джайпур, где я смогу получать такие гонорары, о каких не могла и мечтать, помогая женатым мужчинам, которые, подобно Самиру, развлекаются на стороне и не хотят, чтобы любовницы их беременели. Самир пояснил, что, хоть он и ходит по домам терпимости, предпочитает молодых бездетных вдов. Эти женщины, даже если потеряли мужа в самом юном возрасте, обречены до конца дней оставаться одни: так уж принято в обществе. (Не то вдовцы: те могли жениться без всяких последствий.) Самир обрушивал на вдовиц комплименты, подарки и все свое обаяние, и они отвечали ему благодарной взаимностью.

Решающим аргументом стало достойное прикрытие, которое придумал Самир. Я буду делать мехенди дамам из высшего общества, вроде его жены, и втайне продавать мешочки с противозачаточными отварами ему, его друзьям и знакомым. Когда Парвати пожаловалась, что никак не может забеременеть, я сделала так же, как на моем месте поступила бы *саас*: стала давать ей сладости и закуски с красным клевером, маслом примулы и диким ямсом, и в конце концов она зачала Говинда. Счастливая Парвати рекомендовала меня дамам, чьи имена теперь украшали мой блокнот.

К 1945 году, когда мы познакомились с Самиром, я уже научилась самостоятельно зарабатывать на жизнь. Я оплачивала съемное жилье, хорошо питалась и отправляла немного денег

родителям. Самир дал мне возможность расширить дело, и я ухватилась за его предложение, как ребенок хватается светлячка: цап! – лови скорее, а то упустишь.

Я остановилась перед аккуратным рядом одноэтажных особняков и прочитала записку, которую вчера сунул мне Самир: *миссис Дж. Харрис, Тулси Марг, дом 30*. Но дама с высокими валиками седых волос, которая отрезала засохшие цветы с плетистой розы на террасе перед домом, явно вышла из детородного возраста. Я озадаченно посмотрела на адрес. За все время, что я готовлю противозачаточные отвары, ни разу не сталкивалась с тем, чтобы они понадобились женщине под шестьдесят. А впрочем, кто их разберет, этих англичанок. Солнце Джайпура не шадит их веснушчатую кожу, как и руки моих клиенток-индианок.

– Миссис Харрис? – спросила я.

Англичанка обернулась и улыбнулась мне, показав серые зубы.

– Она самая! Наш садовник совершенно не следит за цветами. Если хочешь привести цветы в порядок, все приходится делать самой. Вы к нам наниматься в гувернантки? Вы умеете ладить с детьми? Должна отметить, выглядите вы опрятнее тех, что к нам присылали из штаба. С другой стороны, как говаривал мой муж Джереми, как им не запылиться, если вымыться толком негде? Он был майор британской армии. После его смерти я решила остаться здесь. Разве на его военную пенсию купишь коттедж в Бристолье? Да не угодно ли вам чаю? Только предупреждаю, это не тот пряный чай, который вы все так любите... это вредно для желудка. Нет уж, благодарю покорно, я буду пить старый добрый английский чай. Входите же, милочка. Вы, должно быть, промерзли до костей. Как по мне, двадцать один градус Цельсия – великолепная погода, но вы, индийцы, чуть ветерок подует, тут же кутаетесь в шерстяные свитера. Никогда этого не понимала. Я обожаю свежий воздух! – Она глотала «р» и смягчала «д» – согласные, которые мы, индийцы, выговариваем с особым тщанием. Вместо «армия» у нее получалось «аммия», а «индийцы» превратились в «инцийцев».

Я промямлила извинение, собираясь развернуться и уйти, но тут на террасу выбежала женщина помоложе и спасла меня.

– Вот и вы, миссис Шастри. Вы принесли крем для рук? Мои друзья так его хвалят!

* * *

Мы ушли в комнату молодой англичанки, заперли дверь и старались говорить тихо.

– Прошу прощения за свекровь, миссис Шастри, – прошептала она.

Мне показалось, она извиняется не только за то, что ее *саас* оказалась дома.

– Ее зовут миссис Джереми Харрис. Я тоже миссис Харрис, но меня зовут Джойс. – Молодая англичанка покраснела. – Свекровь собиралась сегодня идти играть в бридж, но все отменилось. Я рассчитывала, что мы с вами будем одни.

– Не считайте за любопытство, миссис Харрис, но ваша свекровь решила, что я пришла наниматься гувернанткой. У вас есть дети?

Джойс Харрис покачала головой, потупила взгляд на живот.

– Но вы беременны? И ваша беременность не секрет?

Она снова покачала головой.

– Мне нужно знать, на каком вы месяце, – мягко проговорила я.

Две слезинки выкатились из глаз миссис Харрис и капнули на лиф ее яркого платья. Она посмотрела на влажные пятнышки на цветастом нейлоне, но вытирать не стала.

– Миссис Харрис?

Она замялась.

– Н-н-а четвертом.

Избавляться от плода на позднем сроке небезопасно: четыре месяца – предел. Когда к моей свекрови обращались за помощью, она говорила мне: «Женщины должны уйти от нас такими же здоровыми, какими пришли».

– Точно?

Помедлив, она кивнула.

– На таком сроке это рискованно и для вас, и для младенца. Больше всего я опасаясь за ваше здоровье. Вы твердо уверены, что не больше четырех...

– Я всей душой хочу этого ребенка, – шепотом перебила миссис Харрис. – Но если меня вышвырнут на улицу...

Женщины, которым я помогала, всегда пытались рассказать мне о своем проступке, но и для них, и для меня было проще, чтобы я оставалась в неведении. Я облизнула губы. Я должна удостовериться, что она говорит правду.

– Если вы ручаетесь, что срок не больше четырех месяцев, и в точности выполните мои указания, все обойдется, в противном случае...

– У меня бессонница. И постоянно болит голова. Если бы я только могла, я бы с радостью родила этого ребенка. Но я не уверена, что он... от мужа.

У многих женщин, которые обращались ко мне через Самира, были любовники.

– Мадам, вам незачем объяснять.

Джойс Харрис подалась ко мне и так стиснула мою руку, что я вздрогнула. Я посмотрела на бледную кожу на костяшках, на обручальное кольцо, которое было ей велико, на ногти, накрашенные ярко-красным лаком. Она ждала от меня того, что было не в моей власти. Прощения. Отпущения грехов. Но я чужой человек.

Я вгляделась в ее лицо – бледное, распухшее, в красных пятнах. Глаза у нее были воспаленные.

– Он играет в сквош с моим мужем Джоном. Я так с ним и познакомилась – в клубе. Он тоже женат. Быть может, я забеременела от мужа, а может, и... от него. – Она выпустила мою руку, достала из-за пояса платок и вытерла глаза. – Он индеец.

Уж не Самир ли, подумала я. Но Самир слишком осторожен: он обязательно дает всем своим любовницам мой отвар, чтобы потом с чистой совестью менять их на других. Если бы он крутил роман с Джойс Харрис, обязательно предупредил бы. Знала же я остальных его пассий. К тому же он предпочитал вдов, а муж Джойс Харрис жив.

– Что скажет муж, если я рожу ему смуглого ребенка? А что скажет мать Летти, я и так знаю. Я не могу вернуться в Суррей с ребенком от индийца. В английском общества для такого малыша нет места. Его попросту не п-п-примут.

Она расплакалась. Я ждала, пока она успокоится.

– Миссис Харрис, я уверена, в сложившихся обстоятельствах вы хотите поступить как лучше – и для вас, и для... ваших близких. Но должна вас предупредить: медлить нельзя. Кипятите один пакетик с травами в одной кварте воды в течение получаса. Потом раз в час принимайте по чашке отвара, пока не выпьете весь. Отвар горчит, поэтому для вкуса можете добавить в него меда. Затем повторите процедуру. Через несколько часов вы почувствуете спазмы. Обязательно подложите в нижнее белье вату. На вашем сроке будет не только кровь, но и крупные сгустки ткани. Будет больно, но бояться не нужно. Отвар должен подействовать.

Джойс Харрис закрыла глаза, и из-под ее век выкатились слезы. Я молчала: пусть спокойно осмыслит услышанное.

– Я оставлю вам три пакетика, но, скорее всего, больше двух не потребуется. Чтобы облегчить спазмы, приложите к животу грелку или теплое влажное полотенце к промежности. Врача зовите только тогда, когда все закончится. Он решит, что у вас был выкидыш. Если обратитесь к нему слишком рано, он постарается спасти плод, а это, насколько я понимаю, вам вовсе не нужно.

Я похлопала ее по бледной руке.

– Обычно все проходит благополучно, но бывает всякое. В случае обильной кровопотери немедленно вызывайте врача. Повторяю, будет очень больно. – Я поставила на стол пузырек и объяснила: после того как зародыш выйдет, нужно будет прикладывать к половым органам эту примочку, чтобы снять воспаление. – Вы все поняли?

Она кивнула. Повисло молчание.

– Быть может, у вас остались вопросы?

– Остались, но ответа на них не знаем ни вы, ни я, – еле слышно пролепетала она.

Едва я вошла в комнату, как Радха вскочила с пола (они с Маликом играли в пять камешков), бросилась к кастрюлям, положила на тарелку еды, дала мне, а сама взяла у меня сумку.

– Держи, Джиджи.

Что-то тут не так. Я огляделась.

Малик сунул камешки в карман, встал, понурил голову. Радха подошла к кувшину и налила мне стакан воды.

Я стояла посреди комнаты с тарелкой еды и стаканом воды, Малик и Радха не сводили с меня испуганных глаз.

– *Дал баати?* Я ведь просила тебя приготовить *ладду*.

Радха нервно улыбнулась.

– Малик сказал, в Раджастане больше любят *дал батти*. Я убрала подгоревшие кусочки. Попробуй, Джиджи, – заискивающим тоном попросила она.

Я не ответила.

– Малик?

Радха шагнула вперед, словно хотела заслонить его собой.

– Он тут ни при чем, Джиджи. Он всего лишь тушил пожар. А потом миссис Айенгар раскричалась...

Пожар? Миссис Айенгар раскричалась? Я со стуком поставила тарелку и стакан на стол, глубоко вздохнула.

– Давай с самого начала.

Радха объяснила, что готовила *дал баати*, и у нее загорелся *чунни*. Малик ринулся на подмогу, а миссис Айенгар напустилась на него за то, что осквернил ее очаг.

Малик большим пальцем ноги чертил круги на полу.

– Простите меня, тетя босс.

Радха хмуро перевела взгляд с него на меня.

– Малику не за что извиняться. Он меня спас! А эта злобная старая карга...

Если бы не грубое замечание Радхи, я бы ее пожалела. Но ее надо приструнить, чтобы впредь не портила мне отношения с хозяйкой.

Я подняла палец.

– Эта старая карга – наша квартирная хозяйка. – Я отогнула второй палец. – И дом ее, а не наш. Так что она имеет полное право нам указывать.

– Это нечестно! Давай тогда переедем в твой новый дом! Сбежим от нее!

У меня на виске билась жилка. Я прижала пальцы к виску, сдерживая желание наорать на сестрицу.

– Я уже объясняла. Дом еще не достроен. Мы переедем, как только он будет готов.

Я посмотрела на Малика:

– Все было так, как она говорит?

Он кивнул.

Я погладила его по голове.

– Спасибо, что не дал Радхе спалить дом.

Он слабо улыбнулся.

– А ты, Радха, впредь осторожнее...

– Но...

– Особенно с очагом миссис Айенгар.

– Джиджи...

Я взяла Радху за плечо. Она дернулась, точно я замахнулась на нее. Неужели Маа ее была? Или Хари?

Я уронила руку. Радха на меня не смотрела.

Я вздохнула. Задобрить набожную миссис Айенгар встанет недешево. В прошлый (и единственный) раз, когда Малик по незнанию прошелся по ее очагу, она настояла на том, чтобы мы позвали брахмана-*пандита* и тот провел обряд очищения. (Малик – мусульманин; они едят мясо, а Айенгары его не едят. Топтаться по своему очагу они не позволили бы даже Сингхам – ведь раджпуты тоже едят мясо.) Тот обряд обошелся мне в сорок рупий. Сперва я заплатила долг строителю, потом дала денег Хари. Теперь еще и это.

Я заправила край сари за пояс нижней юбки, настраиваясь на то, что разговор с хозяйкой будет нелегким.

– Пойду узнаю, к какой каре готовиться.

Малик бросился к столику с травами, схватил две бутылочки, протянул мне.

– Я уже все приготовил.

Я взглянула на этикетки: средство для роста волос и лосьон для кожи. Я улыбнулась ему.

– Молодец.

Малик не хуже меня знал, что нашу хозяйку легче всего умиловить подкупом. Из-за очага миссис Айенгар мы оказались в подвешенном состоянии: пока *пандит* не проведет обряд очищения (который порой длится три часа), нельзя готовить угощения на завтра. Спать мы сегодня точно ляжем поздно.

– Пандит-джи придет через час, – точно прочитав мои мысли, сказал Малик.

Наконец-то полночь. Мое любимое время. В окно светила луна. *Коэль* насвистывал любовную песнь; ему вторила пятнистая горлица. Весь Джайпур отдыхал от дневной суеты. В комнате пахло пряностями и сладями, которые мы готовили (*накора* из листьев одуванчика для миссис Патель, от артрита, сладкие миндальные *ладду* для миссис Гупты, от головной боли), а еще снадобьями (свежее сандаловое масло для миссис Рай, от боли в ногах).

Малик давным-давно ушел домой. Радха спала на кровати. Я села за стол, открыла блокнотик, облизнула кончик карандаша и записала при слабом свете *дхи*:

Обряд, проведенный пандитом (ему потребовался час, чтобы очистить очаг мадам Айенгар): расход.

Лавандовое и гвоздичное масло, куркума и шафран, которые сегодня купил Малик: расход.

Деньги, которые Самир заплатил за мешочки с отваром: приход.

Деньги, которые заплатила Джойс Харрис за ее отвар: приход.

Счет от строителя: расход.

Плата Хари: расход.

В сумме – убыток. Я закрыла блокнот и принялась вынимать шпильки из волос. Интересно, сколько времени понадобится, чтобы устроить союз Сингхов и Шарм. И согласится ли строитель на отсрочку уплаты долга. И сколько еще потребует Хари за молчание. Работа во дворце мне сейчас более чем кстати, но сколько придется ждать, пока Парвати поговорит с махарани?

Я запустила пальцы в волосы. *Саасуджи* как-то сказала, что существует три типа кармы: та, что мы накопили за свои прошлые жизни; та, которую мы создали в этой жизни; карма, плоды которой мы будем пожинать в будущих воплощениях. Интересно, какая из карм привела к тому, что я вышла за Хари. Создала ли я новую карму тем, что сбежала из дома, или это карма из прошлой жизни, за которую я расплачиваюсь лишь сейчас?

Радха замычала во сне, не раскрывая рта, словно звала на помощь. Я бросилась к ней: того и гляди, перебудит весь дом.

– Радха, это всего лишь сон. – Я погладила ее по плечу.

Она не проснулась. Лежала на боку, свернувшись калачиком и прижав к груди кулачки, точно младенец в утробе. Подушка промокла от слез. Сейчас Радха казалась такой беспомощной. В памяти мелькнуло воспоминание: вот так и я каждую ночь, что мы с Хари были женаты, засыпала в слезах.

Я улеглась рядом с ней, прижалась грудью к ее спине, ногами к ногам, уткнулась лицом ей в затылок. Обхватила ее крепко-крепко, так что палец не просунешь. Я каждый день прикасаюсь к коже моих клиенток, но сейчас меня вдруг посетило новое чувство – я еще ни разу не обнимала сестру.

– Т-с-с. Успокойся. Т-с-с, – прошептала я.

Я гладила Радху по голове; от ее волос до сих пор пахло плюмерией. «*Рундо Рани, бурри саяни. Питхи тунда, тунда пани. Лакин куртхи хе мунмани*», – промурлыкала я ей на ухо, вспоминая, как папа пел эту песенку.

Дыхание ее успокоилось. Мышцы обмякли. Она проснулась, взяла меня за руку и прижала мою кисть к своей груди. С каждым вдохом и выдохом ее ребра поднимались и опускались под моими пальцами.

Я вытерла ей лицо и шею краешком моего сари.

– Расскажи, что тебе приснилось.

Радха шмыгнула носом.

– Было темно. Питаджи свалился в колодец. Его держала только я. Все зеваки давным-давно разбрелись по домам. Я пыталась его спасти. Но он был такой тяжелый. – Она всхлипнула. – И я отпустила его руку. Джиджи, я отпустила его руку. Не смогла его вытащить. Не смогла. Искала тебя, но тебя там не было! – Радха глубоко вздохнула. – Сколько раз я мечтала, чтобы ты вернулась домой и помогла мне. Однажды даже сбежала из Аджара, чтобы тебя разыскать, но Мала, наш сосед, увидел меня и отправил домой. – Слезы, которые она сдерживала так долго, капали мне на руку. – Когда Маа умерла, я никому не говорила. Целых два дня. Она лежала на кровати. Я так испугалась. Я не знала, что со мной будет. Я осталась совсем одна. Где ты была все это время, Джиджи? Почему ты от нас ушла? Почему ушла от него?

Я выпустила ее из объятий. Разумеется, ей интересно. Я молчала об этом тринадцать лет. Я сглотнула.

– Если бы я не сбежала, меня бы уже не было. Хари меня со свету сжил бы. А вернуться к Маа и Питаджи я не могла. – Радха не хуже меня знает, что жена считается собственностью мужа. И если женщина несчастлива в браке, она не может все бросить и вернуться к родителям в надежде, что те ее пожалеют. В некоторых семьях после свадьбы жена даже вынуждена менять имя¹³, словно раньше и не жила.

Я рассказала Радхе о том единственном, что радовало меня в браке – о матери Хари. О том, как она учила меня целительству. Приходившие к нам женщины из соседних деревень чаще всего жаловались на расстройство желудка, ожоги, которые получили, когда готовили

¹³ Женщины, вступая в брак, меняют не только фамилию, но и имя отца на имя мужа. В некоторых общинах после свадьбы женщины также меняют личное имя.

пищу, на бесплодие и менструальные боли. Я умолчала о том, как порой они просили нас помочь им втайне от мужей избавиться от плода.

Я рассказала, как Хари меня избивал и как однажды я вышла из хижины и, в чем была, пешком отправилась в Агру, а если замечала кого вдалеке на дороге, пряталась в кусты или канавы. Питалась тем, что удавалось раздобыть, чаще ночью, когда меня никто не видел, и предварительно удостоверившись, что поблизости нет кабанов. В городе Тадж-Махал, продолжала я, помогала женщинам, как учила меня свекровь. О подробностях я умолчала – например, о том, что основной доход получала от продажи муслиновых мешочков с молотой корой корней хлопчатника (по рецепту *саас*). Не то чтобы я стыдилась своего занятия; если бы не я, куртизанки и танцовщицы прибегали бы к куда более грубым и опасным методам прерывания нежелательной беременности: спринцевались мылом, падали с лестницы, прокалывали плод вязальной спицей. Но такие ужасы не для ушей тринадцатилетней деревенской девочки.

Я объяснила, что искусство мехенди освоила в Агре. С улыбкой вспомнила о том, как Хази и Назрин учили меня разрисовывать женское тело, чтобы возбуждать желание, но Радхе об этом не сказала. А потом, добавила я, меня пригласили в Джайпур, потому что там за мехенди платили больше, и я ухватилась за эту возможность.

– И тогда я смогла посылать домой больше денег.

– Но мехенди занимаются шудры, а не брахманы, – удивилась Радха. – Питаджи ни за что не позволил бы тебе прикасаться к чужим ногам.

Я выпустила ее руку, перевернулась на спину.

– Это лучше, чем стать потаскухой. – Слова мои прозвучали резко, но я этого и хотела.

Некоторое время мы лежали молча.

– Как умер Питаджи? – спросила я.

– Утонул. Но он хворал. Живот у него болел.

– Что ты имеешь в виду?

– Он пристрастился к *шарабу*, – прошептала она. – Прятал от нас, думал, мы не найдем, а к вечеру так напивался, что на ногах не стоял. Порой мне приходилось на следующий день вести за него уроки.

Я помнила, что Питаджи начал пить примерно тогда же, когда мы перебрались в Аджар, но ни разу не напивался до такой степени, чтобы мне приходилось подменять его в школе.

– Маа его простила в конце концов?

Радха повернулась ко мне:

– За что?

В эту минуту она так походила на Маа, что мне показалось, будто я, как в тот далекий вечер, лежу рядом с матерью и не могу понять, куда подевались ее золотые браслеты. Я тогда была совсем маленькая, и на моей памяти мама не снимала их, даже когда купалась, спала или готовила. Я любила ими играть, когда мы вот так лежали рядышком. Я спросила у мамы, где же ее браслеты, и на ее глаза навернулись слезы, а мне впервые в жизни стало страшно.

Я погладила Радху по щеке.

– Мы не всегда жили в Аджаре. Разве Маа тебе не рассказывала? Мы переехали туда из Лакхнау¹⁴. Питаджи увлекся движением за независимость. Вместо работы ходил на марши свободы. На митингах выступал против британского господства. А когда движению понадобились деньги, без спроса продал мамино золото, украшения из ее приданого: свадебные браслеты, ожерелья, серьги. Маа была в ярости.

Британцам из школьного руководства его борьба за свободу пришлась не по нраву. И Питаджи перевели в Аджар, в эту глухомань. Мне тогда было лет десять. Его не только понизили, но и унизили.

¹⁴ Лакхнау – столица штата Уттар-Прадеш.

– Но ведь Питаджи был прав! В конце концов Индия победила. – Радхе, как мне когда-то, хотелось верить в нашего отца, защищать его.

– Конечно, прав, – ответила я. Миллионы таких, как наш отец, дали понять британцам, что индийцы более не намерены быть невольниками в собственной стране.

Но понимала я и досаду Маа. Слишком многих индийцев искалечили, бросили в тюрьмы за то, что те осмелились восстать против британцев. Она умоляла отца: ни во что не вмешивайся, подумай о семье, пусть другие воюют. Но отец был рьяным борцом за независимость, и я восхищалась его принципиальностью. Он был предан своим идеалам. К сожалению, за высокие идеалы всегда приходится платить.

Когда закончились его сбережения, он продал без остатка имущество Маа, ее золото, которое должно было спасти нас от нищеты, обеспечить Маа средства к существованию, если бы она овдовела, а меня избавить от необходимости выйти замуж в пятнадцать лет. В стране, где золото из приданого – единственное, что может защитить женщину в случае непредвиденных обстоятельств, уши Маа без серег и запястья без браслетов неизменно напоминали отцу, что он принес семью в жертву политике.

Нам пришлось перебраться в Аджар, где мать похоронила свое разочарование, а отец – гордость. До обретения независимости оставалось целых двенадцать лет, и к тому времени отец уже был сломлен.

– Маа никогда не говорила о тебе, – сказала Радха. – Даже имени твоего не произносила. Я не подозревала о твоём существовании, пока сплетницы не разболтали, что ты сбежала в год моего рождения. Когда я выучила буквы, то поняла, что это твои письма Маа сжигала, не открывая. Единственное твоё письмо, которое я прочла, было с билетами до Джайпура. Обо мне в нем не говорилось ни слова. И я догадалась, что ты не слышала обо мне.

Я закрыла глаза. *Ох, Маа, как же сильно я тебя рассердила. Муж тебя предал. Я тебя предала. Если бы ты только прочитала те письма!*

Едва начав зарабатывать достаточно, я в каждом письме отправляла родителям деньги. Я умоляла их простить меня за то, что ушла от мужа, обещала при первой же возможности забрать их к себе. Если Маа сжигала письма вместе с деньгами, неудивительно, что Радха приехала ко мне в обносах.

Я снова прижалась к ней, обняла, как когда-то мечтала обнять Маа.

Радха стиснула мою руку, и я словно очнулась, вспомнила, что у меня теперь есть сестра. Быть может, она вовсе не кара моя за допущенные ошибки, а мое спасение. С родителями уже ничего не исправишь, прощения у мертвых не попросишь, доброе имя не восстановишь. Но я позабочусь о сестре, выращу и воспитаю Радху. Я сделаю все, чтобы наши родители смогли бы гордиться ею – в отличие от меня.

Радха пошевелилась.

– Джиджи, а помнишь Манчи-джи?

Разумеется, я помнила старика из Аджара, который, сторбясь над высохшим листиком, беличьей кистью рисовал *gopi* и корову размером с мой большой палец, усеивал крапинками сари девушки, которая доит корову. Я пряталась у него, когда родители ссорились из-за денег. Я бежала от материнского горького молчания, от отцовского пьянства, забывалась за рисованием. Сперва старик Манчи научил меня видеть, подмечать мельчайшие детали того, что я собираюсь нарисовать, и уж потом дал мне кисти. Его наука позволила мне много лет спустя взяться за палочку для мехенди и выводить затейливые узоры, врезавшиеся в мою память.

– Он все еще рисует? – спросила я.

– Хан. Он всегда говорил, что ты была лучшей его ученицей.

Я почувствовала, что улыбаюсь.

– Ты тоже с ним рисовала?

– У меня нет твоего таланта. Я обычно сушила для него листья дерева бодхи. И растирала краски. – Она обернулась ко мне с озорной ухмылкой. – Знаешь, что получится, если накопить корову листьями манго, а потом смешать навоз с глиной и разбавить коровьей мочой?

– Что?

– Оранжевая краска! Манчи-джи говорил, моя краска гладкая, как шелк.

– Если хочешь, я научу тебя растирать листья хны, чтобы готовить пасту для мехенди.

– *Акча*. – Да. Она зажмурилась и громко зевнула.

– Когда зеваешь, прикрывай рот ладонью.

Радха робко приоткрыла глаза, поймала мой взгляд и улыбнулась:

– В-двадцатых?

Сплю я чутко, поэтому, когда загремела дверная ручка, я тут же проснулась и встала с кровати. За окном еще было темно. Радха крепко спала. В комнату ворвался Самир; сперва я решила, что он перебрал в клубе и не соображает, что творит, но потом увидела, что на руках у него женщина, завернутая в одеяло. Глаза у нее были закрыты, она постанывала. Рядом с Самиром стоял его друг, доктор Кумар. Я посмотрела на настенные часы. Два часа ночи. Я поспешно закрыла дверь за пришедшими, чтобы не разбудить миссис Айенгар.

Я щелкнула выключателем. Самир был мрачен.

– Миссис Харрис плохо, – прошептал он. – Кумар хотел вас кое о чем спросить.

Он обвел глазами комнату, посмотрел на кровать; приподнявшись на локте, Радха терла глаза.

Я бросилась к ней.

– Радха, скорее вставай.

Она спрыгнула с кровати и уставилась на Самира, который осторожно положил свою ношу на кровать, где прежде спали мы с Радхой. Одеяло, в которое была закутана миссис Харрис, запахнулось, и в слабом свете потолочной лампы я увидела запекшуюся кровь. Опухшие, в синих прожилках веки Джойс Харрис трепетали, она лежала, подняв колени, обхватив руками живот, и так громко стучала зубами, что я удивилась, отчего миссис Айенгар еще не колотится ко мне в дверь с просьбой быть потише.

– Зачем вы ее принесли...

– Некогда об этом. Кумар все объяснит.

Я заметила в руке у доктора черный медицинский саквояж. Доктор Кумар достал из него стетоскоп.

Самир схватил меня за руки.

– Спасибо, Лакшми. Пожалуйста, делай, как говорит доктор Кумар, – взмолился он, вышел и бесшумно прикрыл за собой дверь. Вся сцена длилась не больше минуты. В комнате было душно; англичанка хрипло стонала.

У доктора Кумара бегали глаза.

– Она что-то приняла, – прошептал он. – И мне нужно знать, что и сколько.

– Я не понимаю...

– Что тут понимать? – Он нахмурился. – Она выпила какую-то отраву, чтобы избавиться от ребенка, и если я не узнаю, что именно она приняла, она умрет.

– Но я всего лишь... – Я вспыхнула. – Разве Самир не объяснил вам, что я...

– Неужели вы не знаете, что на пятом месяце делать аборт опасно? – его серые глаза сверкнули.

– На пятом? – изумилась я.

Кумар кивнул и приложил головку стетоскопа к животу миссис Харрис. Она вскрикнула.

– У плода бьется сердце, то есть срок минимум восемнадцать недель. Но сердцебиение слабое. Она потеряла много крови. Нужно переливание. Самир пошел звонить, чтобы ее поло-

жили в частную клинику. – Он перевел взгляд с Джойс Харрис на меня. – Но вряд ли ребенок выживет. – Он посмотрел на мои руки, сцепленные в замок.

Наконец доктор убрал стетоскоп.

– Что вы ей дали? – выговорил он неторопливо, словно с трудом сдерживал гнев.

Я отвела взгляд от скорчившейся на кровати женщины.

– Отвар из коры корней хлопчатника. Она должна была вскипятить содержимое одного мешочка в кварте воды и пить каждый час, пока не допьет. Потом повторить процедуру. Обычно этого достаточно, чтобы исторгнуть плод. Но я на всякий случай оставила ей еще один мешочек.

Доктор Кумар прижал два пальца к запястью миссис Харрис и устремил взгляд на часы.

– Пульс очень редкий. Видимо, она приняла все три дозы сразу или вскипятила в меньшем объеме воды, чтобы отвар получился крепче.

– Она клялась, что на четвертом месяце, не больше. Я дважды переспросила, предупредила, что на более позднем сроке это делать опасно. С чего бы мне ей не верить?

Он впери в меня пристальный взгляд. Неужели он думает, что я вру?

– Я никогда не давала этот отвар тем, у кого срок беременности больше четырех месяцев. Либо миссис Харрис сама не знала, на каком она сроке, либо намеренно солгала мне – от отчаяния.

Он намочил ватку спиртом, протер внутренний сгиб ее локтя.

– Как вы с Самиром... ее нашли?

Доктор Кумар достал из саквояжа ампулу и шприц.

– Мы ужинали в клубе, позвонил ее друг и сказал, что ей нужна помощь. – Он легонько постучал по ее руке, чтобы обозначилась вена, и сделал укол. Джойс Харрис вздрогнула. – Мы ее забрали. Дома никого не было: ее муж с матерью сегодня уехали в Джодхпур. Будьте добры, поддержите.

Я прижала ватку к месту укола. Доктор Кумар надел на иглу колпачок и убрал шприц в саквояж. Потом взял женщину за запястье и долго смотрел на часы. У него были длинные пальцы с безукоризненно чистыми ногтями. Он положил руку женщины обратно на одеяло.

– Я уколол ей морфин, но совсем чуть-чуть, чтобы она не заснула. Вряд ли морфин смешается с тем, что вы ей дали. Но от инфекции ей нужно будет принять антибиотики. – Доктор Кумар скользнул внимательным взглядом по моим рукам, лицу, волосам. Я заметила в его черных кудрях серебристые пряди, веснушки над верхней губой. – Неужели вы правда думаете, миссис Шастри, будто травы помогают от женских... расстройств?

– Если нет другого выбора, то да.

– У этой женщины выбор был.

– Она так не думала.

– Почему же? Она англичанка. У нее масса возможностей. Во-первых, она могла обратиться в больницу для белых.

– А если отец ребенка – индеец?

Доктор приподнял тонкие брови и с любопытством посмотрел на пациентку.

– Значит, Самир вам ничего не сказал?

Краешком глаза я заметила, что Радха пошевелилась. Я совсем забыла, что она здесь. Радха все слышала. Я покосилась на сестру и сказала доктору:

– Миссис Харрис не уверена, что ребенок от мужа.

Пожалуйста, Радха, постарайся понять.

Радха закрыла рот рукой.

Доктор снова приподнял брови.

– Все равно лечиться травами рискованно. Вы же запросто могли ее отравить.

На мгновение я стиснула зубы.

– Ничего подобного, доктор Кумар. Я дала ей траву, от которой матка делается скользкой и через шесть-восемь часов выходит плод, а за ним и яйцо. – Мне показалось, что я оправдываюсь.

– И каким же образом ваш отвар делает матку, как вы выразились, скользкой?

– Из-за него в организме перестает вырабатываться вещество, которое помогает яйцу прилепиться к матке.

Он бросил на меня долгий взгляд.

– Прогестерон, – сказал он. – То, о чем вы говорите, называется прогестерон. – Он пощупал пульс пациентки. – Бывали ли у женщин побочные эффекты от ваших трав?

Доктор Кумар открыл было рот, явно собираясь спросить меня еще о чем-то, но тут в дверь постучали, да так громко, что мы все вздрогнули. Джойс Харрис даже взвизгнула, на миг приоткрыла глаза, обвела взглядом комнату и снова впала в тихое забытие. Мы с доктором переглянулись.

Из-за двери донесся громкий шепот миссис Айенгар:

– *Кья хо гья?* Миссис Шастри, из-за чего весь этот шум и суматоха?

Радха мигом легла на постель рядом с миссис Харрис, заслонив больную собой, и накинула на себя одеяло.

– Два часа ночи! – Миссис Айенгар приоткрыла дверь.

Я бросилась к ней навстречу.

– Простите, джи, моей сестре... нездоровится.

Миссис Айенгар вытянула шею, взглянула на кровать. Радха негромко застонала, притворяясь хворой, чтобы заглушить вскрики англичанки.

– Я послала за доктором, миссис Айенгар, – я указала взглядом на мистера Кумара. – Прошу прощения, что мы вас разбудили.

Джойс Харрис что-то забормотала, и Радха застонала громче. Доктор Кумар взял мою сестру за запястье, прижал большим пальцем ее вену и уставился на свои наручные часы.

– Ей нужен покой, миссис Шастри, – произнес он таким тоном, словно вторжение хозяйки его рассердило.

Радха закрыла глаза и воскликнула:

– Джиджи!

– Видимо, что-то съела...

– Мне нужно идти, миссис Айенгар. – Я хотела было закрыть дверь, но хозяйка и не думала уходить.

– Мой муж всегда говорит: зимой – кислое и соленое, летом – сладкое и неострое...

– Да-да, спасибо. Я обязательно воспользуюсь вашим советом, вместе с рекомендацией доктора. Мне очень жаль, что я вас разбудила.

Я плотно затворила дверь, привалилась к ней спиной и изумленно воззрилась на Радху. Как она догадалась, что нужно сделать? Сестра не растерялась и действовала с умом.

Миссис Харрис постанывала. Радха слезла с кровати, подоткнула ей одеяло.

Доктор настороженно поглядывал на меня.

Я оттолкнулась от двери, собрала волосы в узел.

– Радха, нарви желтых сердцевинки цветов ромашки.

– Больше никаких трав, миссис Шастри, – устало произнес доктор Кумар.

– Она доверилась мне, попросила помочь. – Я подошла к столику. – Быстрее, Радха!

Мой окрик вывел сестру из оцепенения. Радха подскочила ко мне и принялась помогать: обрывала лепестки ромашки и протягивала мне желтые сердцевинки. Я смолотла их в ступе вместе с двумя листьями перечной мяты, добавила чуть-чуть воды. Комнату наполнил запах приготовленной мною пасты – фруктово-цветочный, сладкий и острый одновременно.

– Намочи тряпку, – велела я Радхе.

Радха намочила чистое полотенце. Я завернула в него пасту, завязала концы: получилась припарка.

Я села на узкую кровать рядом с доктором Кумаром, нежно промокнула тряпкой влажный лоб женщины. На миг она открыла глаза, явно узнала меня и снова закрыла глаза.

– Дышите, миссис Харрис, – велела я. – Все будет хорошо. Дышите. – Я повторяла эти слова, точно мантру, заклинание жреца или молитву верующего к Ганеше, пока морщины на ее лбу не разгладились.

Я откинула одеяло. Англичанка по-прежнему держалась за живот. Я нажала на точку на ее потном запястье, и пальцы понемногу выпрямились, разжались. Я приложила примочку к ее животу. Минуту спустя женщина перестала дрожать, задышала ровнее.

Доктор Кумар скептически наблюдал за мной.

– Это вытягивает инфекцию. – Я протянула ему примочку.

– Горячая. – Он осторожно взял тряпку, словно она жгла ему руки.

Я улыбнулась.

– Меня *саас* научила.

Щелкнула открывшаяся дверь. Мы обернулись и увидели Самира. Он подбежал к кровати, подхватил пациентку.

– Мы отвезем ее в частную клинику к Голе. Помнишь его по школе, Кумар?

Доктор Кумар кивнул.

– Ей лучше?

– Боль утихла. Но ребенка спасти не удастся, – обреченно произнес доктор, глядя на меня. Он уже ни в чем меня не винил. Доктор Кумар взял черный саквояж.

– Ничего не попишешь. – Самир направился к двери. Ему явно не хотелось обсуждать случившееся. – Идем, Кумар!

Я проводила их до двери.

– Вы сообщите мне, как у нее дела?

– Я тебе напишу через день-другой, – шепнул Самир и спустился по лестнице с Джойс Харрис на руках.

Доктор Кумар обвел глазами комнату, задерживая взгляд то на одном, то на другом предмете, и наконец посмотрел на меня. Кивком попрощался и был таков.

Я закрыла за ним дверь и прислонилась к ней лбом. Воцарившаяся в комнате тишина оглушала, как треск цикад в знойный летний день. Я ждала вопросов Радхи.

Чуть погодя она сказала:

– Так эта женщина – *ангези*, – она *хотела* потерять ребенка?

– Да.

– И ты ей помогла?

– Да. – Я понурила плечи. Я рассчитывала рассказать обо всем сестре не раньше, чем через несколько лет. Наивная.

– Но ты же мне говорила, что зарабатываешь на жизнь мехенди...

Я стиснула зубы и отвернулась.

Радха задумчиво нахмурилась.

– Помнишь, вчера мы видели нищенку. С младенцем. И ты сказала, что ей не следует больше рожать. Она не сможет прокормить детей.

– Да.

– И сегодня. Эта *ангези*. Она же наверняка богатая.

– У женщин бывают свои причины принять трудное решение. – Я поджала губы. – Я ни о чем их не спрашиваю. Мне незачем это знать.

Радха перевела взгляд на кровать.

– Как они тебя отыскивали?

Я пожала плечами.

– Меня все знают.

– Кто они, эти мужчины?

– Самир Сингх – мой друг. Мы знакомы много лет. Второй, доктор Кумар, насколько я понимаю, старый друг Самира.

– Малик знает? – помолчав, спросила Радха.

Я еле заметно кивнула. *Да.*

– Последний вопрос – и начинаем уборку.

– Почему?

– Потому что я не смогу вкратце объяснить тебе сложные вещи. Это долгий разговор.

– Нет, я хотела сказать, почему ты это делаешь? Почему помогаешь женщинам избавляться от детей?

Сегодня ночью Радха услышала и увидела столько нового. У нее дрожали ноги, она, не отрываясь, смотрела на кровавое пятно на кровати.

Как объяснить, почему двое мужчин среди ночи постучали ко мне в дверь? Как объяснить, почему некоторые замужние женщины крутят романы?

Я вспомнила, что говорила мне свекровь, когда учила делать противозачаточные отвары. Мне было пятнадцать, я только-только вышла замуж. «Как я могу отказать этим женщинам, *бетти*? Их земля высохла. Все содержимое их амбаров уходит в счет оплаты *заминдари*. Им не под силу прокормить тех малюток, которые ждут их дома. Им не к кому обратиться».

Моей сестре всего тринадцать. Простых объяснений недостаточно. Но я настолько устала, что не подберу правильных слов, не сумею объяснить так, чтобы она поняла.

И я повторила слова *саас*:

– Им не к кому обратиться.

С минуту мы молчали, думая каждая о своем.

– Идем на крышу, нужно постирать, – негромко проговорила я и сдернула с кровати запачканную простыню. Кровь Джойс Харрис пропитала даже джутовую сетку. Придется отмыть ее смесью золы и ги.

– Радха.

Она перевела взгляд с замаранной кровати на меня. В глазах ее читалась тревога.

– Ты сегодня была молодцом. Но об этом никому ни слова, *акча*?

Мне неприятно было просить ее об этом, но от ее молчания зависело наше благополучие. Если кто-то узнает о несчастье, постигшем миссис Харрис, я потеряю всех клиентов.

Я думала, Радха примется возражать. Но она ответила еле слышно:

– *Хан-джи.*

Четыре

17 ноября 1955 года

Назавтра я разбудила Радху чуть свет, хотя обе мы спали недолго и беспокойно. Я показала ей, как растирать хну, и, к моему удивлению, паста для мехенди у нее получилась лучше, чем у меня. Старик Манчи явно не врал. Сестра даже предложила добавить в пасту чуть больше лимонного сока, чтобы краска держалась дольше. Я похвалила Радху, и она испуганно посмотрела на меня, словно не привыкла к добрым словам в свой адрес.

Записать ее в школу я смогу не раньше января, а до тех пор она будет ездить со мной и Маликом к клиенткам.

Первой моей клиенткой в тот день была Канта, одна из немногих, кто относился ко мне как к равной. Возможно, потому, что я была чуть старше – Канте только-только минуло двадцать шесть. Возможно, потому, что она, как и я, в Джайпуре была приезжей: родилась и росла в Калькутте, училась в Англии. А может, потому, что у нее тоже не было детей, хотя она отчаянно мечтала стать матерью.

Канта происходила из старинного рода бенгальских поэтов и прозаиков: ее отец и дед проводили время, сочиняя сонеты и собирая литературные салоны. «Женщины в Джайпуре читают только «Ридерз дайджест», – как-то пожаловалась она.

Не успела я подняться на веранду, как Канта уже распахнула передо мной двери, отодвинув слугу, семидесятилетнего Баджу. Он поправил марварский¹⁵ тюрбан, пригладил длинные усы и сказал:

– Зачем вы так, госпожа!

Канте не терпелось услышать новости.

– Лакшми! Расскажи мне скорее, как все прошло у Парвати. Баджу, да не стой ты столбом! Отведи Малика в кухню и накорми. – Тут она заметила стоящую за моей спиной Радху, посмотрела на нее, потом на меня и воскликнула: – *Аппе!* Да у меня, никак, двоится в глазах?

Я познакомила Канту с Радхой, объяснила, что та приехала в Джайпур учиться в государственной школе, и покосилась на сестру, дабы удостовериться, что такое объяснение звучит правдоподобно. Я зря беспокоилась. Радха, точно замороженная, гладела на Канту. Она рассматривала ее каре до плеч, стройные ноги в брюках-капри, блузку без рукавов, завязанную узлом на обнаженной талии. (Женщины традиционных взглядов, такие как Парвати, прятали пухлые животики под сари и скорее согласились бы пойти работать в бордель, чем оголить живот.)

¹⁵ Марвар – историческая область и одноименное раджпутское княжество в индийском штате Раджастан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.